

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Ирина СЕРБЖИНСКАЯ

ВЕЧНЫЙ СТРАННИК

Издательство Аста-пресс

Вечный Странник

Ирина Сербжинская

Вечный Странник

2007

Сербжинская И.

Вечный Странник / И. Сербжинская — 2007 — (Вечный Странник)

Казалось бы, что необыкновенного может случиться в самом обычном городе – ведь волшебству в нашем мире не место! Тем не менее, на городских улицах иной раз происходят самые невероятные вещи: бомж, собирающий бутылки на помойке, оказывается великим магом, ржавый экспонат в художественном музее – зачарованным мечом, а на бульваре под видом обычного прохожего запросто может повстречаться эльф или дракон. Внимательней смотрите по сторонам, когда выходите на улицу: рядом с вами волшебный мир – и до него рукой подать!

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	16
ГЛАВА 3	25
ГЛАВА 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ирина Сербжинская

Вечный Странник

Автор считает своим долгом заявить, что все действующие лица и события, описанные в книге, являются вымышленными, а совпадения – не более чем досадной случайностью.

ГЛАВА 1

В один прекрасный июньский день, ровно в полдень системный администратор газеты «Вечерний проспект» и с ним рекламный менеджер, по совместительству журналистка, отправились грабить художественный музей.

Они вышли на залитый солнцем бульвар и тоскливо переглянулись. Грабить храм искусства не хотелось, но отступить было уже поздно.

– Ну что... – Сисадмин задумчиво почесал в затылке. – Сати, сколько нам дадут, если засыплемся?

– Года три, не меньше, – мрачно ответила будущая поделница. – Если отягчающих обстоятельств не будет. Если мы никого из музейных работников не пришлем по ходу дела.

– Ого! Это ж у меня дочка во второй класс ходить будет, когда я...

– Ладно, Никита! Выхода у нас все равно нет. Или грабеж, или два красивых трупа. – Она поглядела на сисадмина оценивающе и уточнила: – Один красивый труп. Мой. А второй – так себе. Все! Поздняк метаться! Выходим на Красную линию – и вперед.

И они пошли.

Ограблению предшествовали, между прочим, еще кое-какие события, и случились они несколькими днями раньше.

В замечательном городе, где все это происходило. Красной линией окрестили главную улицу. Была она недлинной и тянулась от одной площади до другой. На первой, той, что возле реки и парка, серой громадой возвышался Дворец профсоюзов, а рядом с ним сверкал свежепокрашенными куполами огромный новенький собор, построенный точно на месте старого храма, который был уничтожен в годы революции. На другом конце Красной линии располагалась вторая городская площадь, с фонтанами, клумбами и высокими коваными фонарями. Здесь стоял местный «Белый дом», на пятом этаже которого, как всем было известно, находился просторный кабинет губернатора. Говорят, губернатор любил иной раз с задумчивым видом смотреть на площадь, особенно по вечерам, когда зажигались неяркие матовые фонари и включалась разноцветные огни подсветки фонтанов. Неспешно прогуливавшиеся горожане были настроены мирно и благодушно поглядывали наверх, где теплым желтым светом сияли окна губернаторского кабинета.

К зиме благодушные горожан исчезало, и они становились раздражительны. Причина этого объяснялась до безобразия просто.

Пару лет назад, когда на Красной линии затеяли реконструкцию, отцы города не поскупились и сделали широкий жест, вымостив любимую горожанами площадь невероятно дорогим мрамором, отполированным до глубокого зеркального блеска. Главная площадь, покрытая благородным камнем, должна была поставить наконец жирную точку в затяжной негласной борьбе между двумя близлежащими городами, каждый из которых желал называться столицей края. Жители соседнего города не имели, конечно, такой замечательной Красной линии, тщательно отреставрированного исторического центра и памятников культуры, зато у них было море, и они этим невероятно кичились.

Наличие же площади, вымощенной мрамором, должно было разбить наглых претендентов в пух и прах. «Да, – небрежно говорили горожане, наблюдая за тем, как одевается в камень центральная площадь. – Моря у нас нет. К чему нам оно? Зато у нас есть площадь. Серый мрамор. Знаете, сколько он стоит?»

Это было летом.

Другие свои качества серый мрамор явил зимой, когда продуваемая ветрами площадь внезапно уподобилась катку. Стоило прохожему ступить на скользкий промерзший сверкающий мрамор, стоило ударить в спину сильному ветру, как несчастный пешеход, размахивая

вая руками, летел вперед, словно на коньках. Самым ловким удавалось ухватиться по пути за чугунную решетку фонтанов, остановиться и продолжить путь на четвереньках. Остальные выписывали пируэты по ледяному полю до тех пор, пока порывом ветра их не швыряло на заснеженный газон. Достигнув наконец тротуара, горожане долго приходили в себя, свирепо грозя кулаками окнам пятого этажа и изобретательно матерясь.

Поэтому зимой губернатор в окно не смотрел.

К лету кошмар заканчивался и площадь снова становилась любимым местом горожан.

Правда, этим летом все было как-то не так.

То ли кто-то свыше решил, что город окончательно погряз в грехах, то ли по какой другой причине, но в начале июня на улицы высадился настоящий десант проповедников невнятной религиозной конфессии. Молодые люди бродили по учреждениям, бубнили в телефонные трубки, останавливали прохожих на улице и, проникновенно глядя в глаза, тихим голосом интересовались, не желают ли горожане посвятить свою жизнь искуплению собственных грехов.

Ответы получали самые разнообразные.

Больше всего жителей раздражало то, что «десантники» покусились на святая святых – главную городскую площадь и с самого раннего утра бродили возле фонтанов, зажав под мышками пачки красочных буклетов.

Вот и нынешним ясным утром на площади появились несколько похожих друг на друга молодых людей. Они остановились возле решетки фонтана и деловито огляделись. Один из них сразу наметил жертву – молодого парня в стандартной городской униформе – джинсах и черной майке – и направился напрямиком к скамейке, где он сидел.

– Добрый день!

– Здравствуйте! – доверчиво откликнулся тот, положил на колени пластиковую папку и уставился на миссионера снизу вверх голубыми глазами.

– Мы с вами не знакомы, но мне бы хотелось поговорить с вами. Не хотите ли вы посвятить свою жизнь... словом, читаете ли вы Библию?

Тут он разглядел картинку на футболке парня – там был изображен зверского вида мужик с бензопилой в руках, а внизу тянулась надпись «Добрый патологоанатом ищет работу» – и поперхнулся.

– Конечно! – с готовностью отозвался парень. – И очень часто. Почти каждый день читаю. Да вы присаживайтесь, побеседуем!

Представитель конфессии тут же воспользовался приглашением.

– А вы думаете о Боге? – мягко спросил он, перебирая пестрые брошюры.

– Постоянно!

– Это очень хорошо. Это очень важно! Тогда, может быть, вам интересно будет посетить наше молитвенное...

Тут он осекся: в глазах собеседника блеснул огонек.

– С удовольствием! – вкрадчиво отозвался тот, не сводя горящего взгляда с проповедника и зловеще понижая голос. – Пойду с вами куда угодно! На молитвенное собрание? Прекрасно! Я давно мечтал там побывать. Но вначале – о делах. Не хотите ли подписать вот это?

В руках у парня словно сам по себе появился пожелтевший лист бумаги. «Десантник» прищурил глаза, вчитался и обомлел. Острым готическим шрифтом на листе было крупно написано: «Контракт о продаже души». Свет померк у него перед глазами. На мгновение показалось, будто во взоре его собеседника полыхнул багровый огонь, по влажной земле клумбы прошуршал хвост, и острое раздвоенное копыто выбило искру из мраморной плиты.

– Ну как? – настойчиво спросил парень и придвинулся ближе. – По рукам?

«Десантник» сорвался с места и бросился прочь.

– Я великий Ахуромадза, покровитель дэвов и повелитель духов! – крикнул вслед ему дьявол и зловеще захохотал.

С соседней скамейки поднялась темноволосая девушка, приблизилась к сатане и протянула гамбургер в бумажной салфетке.

– Слушай, Ахуромадза... или как там тебя, ты чего людей пугаешь? Я нарочно подходить не стала, хотела поглядеть, чем дело закончится.

– А что, правда здорово? – довольным голосом отозвался парень, впиваясь зубами в гамбургер.

– Не то слово. Видел, как он убежал? Кстати, Ахуромадза – это кто?

– Хрен его знает! Слово просто страшное. Но как я в роль вошел, а? Сати, тебе оставить половину? Нет? Ну и хорошо. Есть хочу, прям как тот самый Ахуромадза.

– Талант у тебя людей пугать, Никита. А это что за бумажка?

Никита довольно заржал.

– А-а, это самое главное, – проговорил он с набитым ртом. – Вот гляди. – Он вытащил из папки потрепанный листок.

– «Контракт о продаже души»... – прочитала вслух Сати. – Понятно... С каких это пор системные администраторы стали души покупать? Денег, что ли, много? Тоже мне, Чичиков!

– Ха, да ты видела, как он напугался?! Ого! А контракт я за десять минут смастерил на компьютере. У меня шрифты есть всякие, вот я и подобрал готический. И программу нашел такую... создает эффект старой бумаги. Слушай, эти проповедники достали уже, по городу не пройдешь! Ну, я и решил...

Сати покачала головой.

– Да, Никита... Где-то не там ты работаешь. Тебе ж в актеры идти надо, по тебе сцена плачет. Даже не плачет, а рыдает!

– Не, – отмахнулся сисадмин, дожевывая булку. – Хватит того, что жена актриса. Если еще и я в искусство подамся, нам есть нечего будет. Ну, куда мы сегодня идем?

Сати достала из кармана блокнотик, полистала.

– Так... в художественный музей. Заказали они небольшую рекламную статейку.

– В музей?! Откуда у них деньги на оплату рекламной статейки?

– Грант получили, – пояснила Сати, убирая блокнот. – Сделаешь три-четыре снимка. Можешь даже больше – про запас. Но три они тебе оплатят гарантированно. Разумеется, как всегда, держи язык за зубами и ни слова Аверченке! Он, конечно, мальчик тихий, но если узнает, сколько денег просвистело мимо его кармана из-за нас с тобой, может и рассердиться.

Никита понятливо покивал. Аверченко был штатным фотокорреспондентом редакции, и именно его Сати полагалось брать на все съемки. Особенно на рекламные, за которые платили в три раза больше, чем за обычный фоторепортаж в номер. Но Сати изворачивалась как могла и под всяческими искусными предложениями от этого сотрудничества увиливала. Во-первых, молодой фотокор еще только постигал азы ремесла и мог легко завалить ответственную съемку. Во-вторых, при своем довольно шуплом телосложении он обладал поистине богатырским аппетитом и этим постоянно конфузил Сати. Горожане, даже рекламодатели, отличались необыкновенным радушием и норовили усадить гостей из популярной газеты за стол, и вот тут-то Аверченко, радостно потирая руки, с готовностью откладывал фотоаппарат и брался за ложку-вилку. Никакие пинки под столом не помогали: фотокор считал визит законченным только тогда, когда ничего съедобного у хозяев больше не оставалось. Легко понять, почему Сати предпочитала на съемки брать своего старого приятеля – системного администратора Никиту. Тот заявлял, что идет в «Компьютерру» за деталями, и с чистой совестью надолго исчезал из редакции. Знакомы они были давно и прочно, помимо основной работы два раза

в неделю вместе бегали на халтурку: Никита верстал шестиполосную газетку для Управления железной дороги, а Сати строчила хвалебные заметки о железнодорожниках-передовиках.

– Как ты можешь эту гадость есть? – брезгливо поинтересовалась Сати, глядя, как приятель уписывает гамбургер. – Ведь сплошной холестерин и химия!

– Нажористые химикалии, ага... – невнятно пробубнил тот, прожевывая кусок. – Вкусно зато! Я сегодня не завтракал.

– Пельменей бы лучше купили в «Тропиках», чем химикалиями травиться.

– Одно другому не мешает. Пельмени-шмельмени... Нету у меня денег на пельмени.

– У меня есть. Зайдем? Даже на пиво хватит.

– Мы к клиентам идем, какое пиво? – ненатурально возмутился Никита, однако с готовностью поднялся на ноги. – Разве что жвачкой зажем? На жвачку у меня хватит.

Когда-то «Тропики» были замечательным кафе-подвальчиком «Русский квас». Прямо посередине зала тут стояли огромные деревянные бочки, из которых в тяжелые кружки цедили квас, сваренный по старинным рецептам. Еще кафе славилось мороженым, самым вкусным в городе; подавали его в металлических вазочках, щедро полив брусничным вареньем. Но несколько лет назад, к негодованию горожан, «Русский квас» исчез и появилось на его месте новомодное кафе «Тропики». Квас и мороженое пропали вместе с тяжелыми дубовыми столами, резными табуретами и деревянным панно на стене в виде жар-птицы. Подвал разделили на кабинки-купе, поставили белые пластиковые столы, шаткие легкие стульчики, а подавать стали пиво и пельмени. Совсем другая публика зачастила в подвальчик.

Сати и Никита произошедших перемен не одобряли, но все еще любили забегать сюда по старой памяти.

Однажды, правда, они своим предпочтениям чуть было не изменили. Стояли как-то раз на верхних ступенях лестницы возле кафе и пересчитывали наличность, пытаясь определить, хватит ли на пару порций пельменей и пива или придется обойтись только пивом. Внизу, возле тяжелых зеркальных дверей курили посетители «Тропиков», два крепких парня неприметной внешности, и тихо беседовали о чем-то. Один из них увлекся рассказом, махнул рукой – и что-то негромко звякнуло об асфальт. Сати глянула, и рот ее открылся сам собой: на серых плитах лежал пистолет. Парень, не прерывая беседы, поднял пушку и привычным движением засунул куда-то под мышку. Потом они с приятелем докурили, загасили бычки в вазоне с левкоями и вернулись в кафе. Сати с Никитой переглянулись, подумали и решили сегодня в «Тропики» не ходить, а зайти вместо этого в «Чайную», где за сравнительно небольшие деньги можно было выпить чаю с медом и отведать горячих блинов.

Сегодня посетителей с пистолетами у входа в подвальчик не наблюдалось.

Сати и Никита спустились вниз по каменным ступеням, вошли в полутемный зал. Народу было немного. Сати огляделась и предусмотрительно заняла место в самом дальнем углу: не хватало еще, чтобы кто-нибудь из знакомых увидел, что в разгар рабочего дня они с Никитой пьют пиво.

Расторопная официантка принесла пластиковые тарелки с дымящимися пельменями, поставила на стол две кружки пива.

– Что там снимать-то надо, в музее-то? – Никита щедро выдал на пельмени майонез из пакетика, перемешал и принялся за еду, поглядывая на Сати. Съеденные недавно «нажористые химикалии» совершенно не повлияли на аппетит сисадмина. Сати, набегавшись с утра по рекламодателям, тоже отдавала должное пельменям.

– Ничего особенного, – сказала она, жуя. – Разрушили дом где-то на окраине, нашли сундуки со всякой рухлядью... Что строители не поперли, то отнесли в музей. Черепки там, тряпки и все такое. Небольшая заметочка. Главное – они оплатят.

– И то хорошо. – Никита отхлебнул пива. – Сколько ж можно бесплатно для них писать! Ну, я имею в виду, за одни только гонорары.

– Они же бедные, – пояснила Сати и придвинула поближе кружку с пивом. – Зато люди там хорошие. Ну, вот и пишу иной раз для них за здорово живешь. Ну, там, «открылась выставка», «закрылась выставка». За это они меня в запасники музея пускают.

Никита хмыкнул и тоже отхлебнул пива.

– Что там интересного, в запасниках-то?

– Никита, ты не поверишь. – Сати задумчиво прожевала пельмень. – Ни-че-го...

Сисадмин заржал.

– А завтра ты с работы можешь свалить? После обеда?

– Смотря для чего, – рассудительно ответил Никита.

– Рекламная съемка бытовой техники. Будешь холодильники фотографировать в магазине. Ты представляешь, эти доверчивые люди уже перечислили деньги за рекламу. Еще не читали мой шедевр, а уже заплатили. Ну и ну! Просто хочется рыдать от умиления! Сейчас адрес найду.

Сати принялась шарить по карманам: нужные телефоны она частенько записывала на обрывках бумажек, трамвайных билетах и даже денежных купюрах – когда они у нее, конечно, бывали.

Никита покачал головой, глядя, как на столе между тарелками появляется приличная кучка всякого мусора.

– Слушай, у тебя же мобильник есть. Забей туда все телефоны – и дело с концом. Вот это что? – Он оживился. – Пропуск в венерологический диспансер? А это? Запись в салон интимной стрижки? Это что – наши рекламодатели?!

– Ну а что, по-твоему? – недовольным голосом осведомилась Сати, продолжая поиски. – Вендиспансеру реклама не нужна, что ли? Забить номера в мобильник – это бы хорошо... да для такой технической идиотки, как я, то, что ты предлагаешь, – непосильная умственная задача.

– Ну давай я сделаю.

– Нет уж. – Сати нашла наконец нужный телефон: он был записан на визитной карточке Центра восточной медицины. – Так еще хуже может получиться. Я тебе рассказывала, какая со мной оказия по весне приключилась?

– С тобой что только не приключается. – Никита вымазал пельменем майонез с тарелки и отправил в рот.

– Я однажды в общественном сортире... ничего, что я это за столом рассказываю?

Он махнул рукой.

– Сортир-шмартир... говори дальше!

– Решила шнурок на ботинке завязать. Поставила ногу на край унитаза, наклонилась – и бац! Полетел туда мой сотовый, а потом, в качестве бонуса – темные очки! И заметь, выловить не смогла. Правда, я и не пыталась. Очки-то можно было достать, но... понимаешь...

– Понимаю, – сказал Никита, шумно отхлебывая пиво. – Значит, завтра после обеда – бытовая техника? Ясно. А теперь слушай новость. – Он понизил голос.

Новости касались работы. Сисадмин, фыркая в кружку, поведал, что шеф сдурел окончательно: мало того что наловчился искусно печатать левые тиражи, так представляешь, до чего дошел! Вчера типография отпечатала тираж какой-то скинхедовской газетенки.

– Тираж крошечный, заплатили копейки, скажи, зачем нам с этим связываться?! Газета запрещенная! Ребята знакомые говорили, будто скины хотели ее в краевой типографии печатать, да только их оттуда поперли, так они к нам пришли. А шеф и не подумал отказаться!

Сисадмин погонял по тарелке последний пельмень, пытаясь подцепить его пластиковой вилкой.

– Чувствую, будут у нашего шефа громадные неприятности из-за этого. А может, и у нас у всех...

– Да, маразм у него, – согласилась Сати, рассовывая по карманам бумажки с телефонами. – Да ладно. Наше дело маленькое. Ну что, идем в музей?

На Красной линии было оживленно: город готовился к визиту высоких гостей, и на центральной улице с утра работали реставраторы.

Городу медленно, но верно возвращали исторический облик: со старых домов снимали штукатурку, обнажая благородную кирпичную кладку, восстанавливали крыши с затейливыми куполами и башенками, возле центрального гастронома скалывали асфальт, заменяя его старинной брусчаткой, обнаруженной недавно при археологических раскопках. Вдоль тротуара, за кованой фигурной решеткой, тянулась неширокая лента цветника. Возле остановки стояла тоже стилизованная под старину тумба, сплошь залепленная театральными афишами – напротив располагалось здание театра драмы.

Сати покосилась на афиши и хмыкнула. Местный театр снискал в городе огромную известность, но не своими постановками, а тем, что за полгода умудрился погореть три раза, причем самым настоящим образом. В первый раз пожар погасили быстро, во второй – огонь сильно испортил зрительный зал, когда же «драма» возгорелась в третий раз, пожарные не успели вовремя подъехать, и здание выгорело изнутри почти полностью. Рассказывая о третьем пожаре, Никита особенно сокрушался из-за того, что в огне погибла сумка с детскими вещами, которую его жена накануне оставила после спектакля в примерной.

– Они что, на себе воду таскали, что ли? – проворчал он, снова вспомнив о потере и приходя в раздражение. – Гляди, вот театр. Вон, – он махнул рукой в сторону, – сразу за площадью – пожарка. Пешком бы и то быстрее добрались!

– Ладно, не расстраивайся, – рассеянно сказала Сати; она слушала эту историю уже не в первый раз. – Подзаработаем в этом месяце на рекламе, купишь дочке чего-нибудь...

Повеяло запахом хорошего кофе. Рядом с театром недавно открылась кофейня, самое модное заведение города, где подавали изумительный кофе, горячий шоколад и фирменные йогуртовые пирожные. Цены, впрочем, тоже были вполне фирменные, так что Сати заходила сюда не часто, разве что после большого удачного заказа. Художественный музей к числу богатых заказчиков не относился, тем не менее Сати ходила туда с удовольствием: искусствоведы рассказывали занимательные истории, водили по запасникам, показывали всякие редкости, а однажды даже позволили сфотографироваться за рабочим столом последнего генерал-губернатора.

Собственно говоря, трехэтажный особняк, в котором располагался музей, этому губернатору когда-то и принадлежал.

Возле ажурной чугунной решетки Никита остановился.

– Через какой ход пойдем? – спросил он, шаря по карманам в поисках жвачки. – Через парадный или где свои ходят?

– Все равно, – пожала плечами Сати. – Служебный вон там, в парке. Ну, идем через парадный, мы все же с официальным визитом. Лицо умное сделай!

Они миновали застекленную рекламную тумбу (афиша извещала об открытии выставки западноевропейского искусства), вместе потянули на себя тяжелую дубовую дверь и оказались в просторном и пустом вестибюле: по случаю выходного дня посетителей в музее не было.

Возле входа под витражным окном возвышались два огромных рыцаря, закованные в черные латы. С опущенными забралами, с мечами в руках, они выглядели так внушительно, что Никита не утерпел: воровато озираясь на окошечко кассы, приблизился к одному из них и попытался отобрать меч. Рыцарь оказался сильнее и оружие не отдал.

– Да брось ты, – прошипела Сати, тоже оглянувшись на освещенную изнутри будку кассы. – Ты хуже Аверченки, ей-богу! Он тоже, как придет в музей, так за все хватается. В прошлый раз тарелку какую-то уронил, я думала, с искусствоведами инфаркт случится.

– Тарелка-шмарелка... – Никита с сожалением выпустил меч. – Разбилась?

– Не... крепкая оказалась...

Они поднялись по ступенькам, показали подоспевшей серьезной бабушке удостоверение.

– Сатинет? – по слогам прочитала бабулька. – Это, девушка, имя или фамилия?

Никита фыркнул, а Сати вздохнула.

– Это имя, – пояснила она, в очередной раз помянув нехорошим словом деда-профессора, наградившего внучку редким именем, которое для русского человека звучит более чем странно. Дед когда-то читал лекции по древней культуре Ближнего Востока, он-то и пожелал назвать внучку именем одной из героинь эпоса.

– Между прочим, эта самая Сатинет славилась своей мудростью и красотой, ясно? – сердито сообщила Сати давившемуся смехом сисадмину и забрала удостоверение.

– Ясно, – ответил Никита. – Мудростью, значит? Ну, пошли, Сатинет!

И они отправились на поиски искусствоведов.

В залах музея было тихо и пустынно. Широкая, устланная красной дорожкой лестница вела на второй этаж. Между этажами, подсвеченная двумя затейливыми бронзовыми канделябрами, висела огромная картина в золоченой раме. Последний генерал-губернатор, в честь которого были названы музей и главная улица города, в парадном мундире, с орденами, с лентой через плечо сурово глядел с полотна. Сати знала совершенно точно, что портрет этот некий живописец Алеутский писал, когда звезда удачливого губернатора еще ярко сияла на небосклоне. Правителю далекого края и в голову не могло прийти, что через несколько лет ему придется тайно бежать из города, переправляться через холодную осеннюю реку, подниматься в горы, переходить китайскую границу, потерять семью, скитаться по чужой земле и, осев наконец на чужбине, закончить жизнь в Харбине. Ничего этого он предвидеть не мог, но между бровей уже залегла скорбная складка, губы были сжаты, и глаза, прищурившись, глядели куда-то поверх голов, словно видели тот тяжелый путь, который предстояло проделать генерал-губернатору через неполных пять лет.

Сати всегда робела под этим испытующим взглядом.

Они свернули в зал западноевропейского искусства. Смотрительница зала, седая старушка, мельком глянула на посетителей и снова углубилась в чтение толстой газеты-еженедельника. Сати незаметно толкнула Никиту, указывая глазами на еженедельник. Тот сдавленно фыркнул: старушка с увлечением читала эротический гороскоп.

Меж двух окон на самом почетном месте висела картина, как утверждали горожане, «кисти самого Рубенса». Экспертиза, проведенная в позапрошлом году, доказала всю несостоятельность подобных заявлений, но досадный факт никого не смутил. Теперь, показывая гостям города полотно псевдофламандца, искусствоведы заявляли с небрежной гордостью, что картина принадлежит кисти «школы Рубенса». Этого хватало, чтобы произвести впечатление на доверчивых посетителей и поставить на место жителей приморского города, претендующего на звание «столицы края»: именно мстительные приморцы потребовали в свое время экспертизы на подлинность.

После пустынного зала с лже-Рубенсом Сати свернула в галерею скульптуры и кивнула Никите, чтобы тот не отставал. В длинной галерее были открыты окна, и ласковый ветерок летал среди мраморных изваяний, играя с шелковыми кремовыми шторами, то надувая их парусами, то комкая, то почти полностью закрывая шелком стоявшую возле окна любимую скульптуру Сати «Девочка под вуалью».

В конце галереи виднелась незаметная белая дверь – вход в служебное помещение. Большая светлая комната с высокими потолками, огромным окном и застекленной дверью, ведущей на балкон, была когда-то личным кабинетом генерал-губернатора, а теперь губернаторский кабинет занимали искусствоведы.

Они были людьми радушными и веселыми и гостей принимать любили. Как ни отнекивались Сати и Никита, поясняя, что только что перекусили в «Тропиках», переубедить хозяев не удалось. Весело зашумел сияющий электрический самовар, загудела микроволновка, разогревая булочки с сыром, кто-то сунул в руки Сати кружку с неприличной надписью на английском языке. Научный сотрудник Костя, высокий и светловолосый, похожий на киношного эльфа, принялся готовить бутерброды: открывал банку паштета и тихо ругался из-за тупого консервного ножа.

Сати только вздохнула. Блиц-роман с красавцем-искусствоведом совершенно не удался. Костя был помешан на холодном оружии и мог разговаривать только о нем. Особенно возненавидела Сати мечи и стилеты: о них Костя был способен рассуждать часами. Кто такое мог вынести?

Она приняла бутерброд из рук экс-бойфренда.

– Как дела?

– Делаем выставку «Русский меч», – с готовностью откликнулся экс, усаживаясь на подлокотник кресла. – Вот послушай, тебе будет интересно! Конечно, будут представлены не только мечи, но и другое оружие: боевые топоры, палицы, рогатины, доспехи. Цех реставраторов готовит к показу несколько кольчуг. Помнишь, я тебе говорил, что на одну такую железную рубаху уходило около шестисот метров проволоки!

– Прекрасно помню, – тяжело вздохнула Сати. – Мы как раз в кино сидели, а ты мне это и рассказывал. Зрители с соседнего ряда все два часа предлагали тебе заткнуться. Но про кольчугу – это потрясающе. Дас ист фантастиш! Шестьсот метров колючей проволоки, ага.

– Но, главное, конечно, мечи! – продолжал Костя, не слушая ее. – Меч – основное оружие русского воина-дружинника, символ княжеской власти, эмблема Древней Руси. В девятьсот сорок четвертом году дружинники князя Игоря клялись мечом, когда заключали договор с греками. «А не крещении Русь да полагають щиты своя и мечи своя нагы», – с воодушевлением процитировал он.

– Что ты говоришь! – пробормотала Сати, откусывая от бутерброда и размышляя, как бы отвлечь экс-от любимой темы. Когда Костя садился на своего конька, остановить его было не так-то просто. – Прямо так и написано в договоре? Ну надо же!

– «А некрещеные русские кладут свои щиты и обнаженные мечи...» Русские летописи и другие источники просто пестрят упоминаниями о мечах. Вот, к примеру: «Да не ущитятся щитами своими и будут посечены мечами», или «посекоша мечем нещадно», или... В общем, рассказывать об этом можно долго. Например, если говорить о периоде с девятого до четырнадцатого века, то можно выделить две основные группы – каролингские и романские. Каролингских найдено более ста, они относятся к концу девятого – первой половине одиннадцатого века. И, что интересно, находят их всего в нескольких областях Руси: в юго-восточном Приладожье, районах Смоленска, Ярославля, Новгорода, Киева и Чернигова...

– Невероятно! Кто бы мог подумать? Кстати, знаешь, мы с Никитой решили пожениться. Только что. Ели пельмени сейчас в «Тропиках» и подумали – а собственно, почему бы и нет? Он быстренько разведется со своей...

– Кстати, далеко не каждый воин мог позволить себе приобрести меч. Ты, наверное, об этом не знала? Потому мечи так редко и находили в погребениях. Они были особо почитаемым и ценным оружием в период раннего феодализма; клинки передавали от отца к сыну, и при наличии наследника меч исключался из числа погребальных приношений...

– Или нет, я решила поменять ориентацию. Подамся в лесбиянки. Мне очень нравится ваша Ирка. Она, правда, толстая, как бегемот, но зато добрая.

– Что? – наконец-то опомнился экс.

Сати вздохнула.

– Костя, мне очень интересно все, что касается мечей. Правда-правда. Все, что ты мне рассказывал когда-то, я прекрасно помню, ты же все это раз по двадцать говорил. Но у нас с Никитой времени мало. Он же с работы свалил, и его в любой момент могут спохватиться. Так что переходи к делу!

Она откусила кусок бутерброда и вяло пожевала.

– Ирка говорила, что вам строители клад какой-то передали? Что, прямо вот так и передали? Странные какие-то строители... Давай, показывай сокровища.

– Клады-шмады... – Никита пристроил недоеденную булочку на колено полуобнаженной мраморной девушки и вытащил фотоаппарат. Девушка стояла в углу возле высокого окна и явно готовилась в скором времени выйти в свет из запасников музея и пополнить собой галерею скульптуры, а пока на ее простертых руках болталась чья-то зеленая ветровка.

Дверь с грохотом распахнулась, появилась толстая Ирка, румяная и шумная. В большой комнате сразу стало как будто тесно.

– О! – заорала Ирка, хватая с тарелки бутерброд. – Пресса! Привет, Сати! Здорово, Никита! Видели наши находки?

– Чем вас ошастливили? – поинтересовалась Сати, перематывая в диктофоне кассету.

– Вот, глянь – тарелки, скульптурки. Обломки, короче, – непочтительно сказала Ирка, хмыкая. – Мы еще не все разобрали. Но вообще есть вещи интересные. Слушай, мне надо, чтобы вы сфотографировали зеленое блюдо. Это действительно редкость. И чтоб прошла информация, что у нас в музее...

Сати поспешно нажала кнопку диктофона. Слава богу, говорить искусствоведы умели, рассказывали интересно и ярко, а стало быть, и писать будет легко. Толстая Ирка, размахивая руками над раритетными обломками, заливалась соловьем. Никита щелкал фотоаппаратом. Когда Ирка наконец выдохлась, Сати выключила диктофон.

Ирка тут же снова вцепилась в бутерброд.

– Ну фто, – прошамкала она, – фатит или ефе дофавить?

– Хватит, спасибо. Ты уже достаточно наговорила.

– Говорить я люблю, – гордо сказала Ирка. – Я – птица-говорун! Чаю налить? Мы грант получили, шикуюм теперь. Печенье покупаем. Хотя, – озабоченно добавила она, – мне бы не печенье, а что-нибудь диетическое прикупить.

– Абонемент в спортзал, – подсказал Костя.

– Ни за что! Надругательство над собой... нет!

– А это что за железяка?

Сати кивнула на длинный железный предмет, изъеденный ржавчиной.

– Это меч, наверное, – вполголоса пробормотал Никита. – Как у рыцарей в вестибюле. Щас твой экс опять заведется.

Сати незаметно пнула его, сисадмин охнул.

– Да, скорее всего, это меч... – мельком глянул Костя. – Его нам тоже строители приволокли... вместе со всем остальным. Я еще не смотрел.

– Скорее всего? Так и писать? – Сати в сомнении уставилась на эксa. – Ты же специалист по холодному оружию, что за невнятные формулировки!

– Нет, это совершенно точно старинный меч, – успокаивающе произнес тот. – Ценности особой он, кажется, не представляет, но после реставрации мы его, может быть, выставим в экспозицию. А невнятная формулировка – так это потому, что этим мечом я еще не занимался. У нас выставка на днях открывается, не до него пока. О нем можно не писать.

– Готовим новую выставку, осенью, – прибавила толстая Ирка, щедро намазывая маслом печенье. – «Случайные находки». Ты упомяни об этом в своей статье, не забудь. Чтобы заинтересовать горожан. Пусть придут, посмотрят.

– Упомянем, – кивнула Сати, делая пометки на старом абонементе в бассейн. – А как же!

– Ржавый он какой-то. – Никита сделал несколько снимков и зачехлил фотоаппарат.

– Э-э-э... да. – Костя взял в руки меч, оглядел, прищурился глазами. – Отдадим реставраторам. Жаль, на выставку «Русские мечи» он не попадает.

– А я видел в кино, как крестоносцы вонзали в землю меч и молились, – вспомнил сисадмин. – Это почему?

– Это потому, – рассеянно сказал экс, разглядывая покрытый ржавчиной клинок, – что долгое время существовала традиция в рукояти меча помещать частички мощей святых. И к тому же, смотри... рукоять меча и лезвие образуют форму креста...

Никита покосился на него с уважением.

– Во многих мифологиях меч имеет амбивалентное значение. – Костю опять понесло.

– Какое? – озадаченно спросила Сати.

– ...то есть противопоставляются жизнь и смерть. Меч разделяет и отделяет душу от тела, небо от земли. В некоторых преданиях он служит мостом в другой мир.

Сати затосковала.

– А этот меч к какому веку относится? – поинтересовался Никита.

– Этот? – Костя глянул на железяку. – Ну, надо с ним поработать... Век десятый... а то и раньше... Конечно, к мечам крестоносцев он не имеет никакого отношения. Обычный меч. Кстати, знаете, во многих народных сказках упоминается меч-кладенец?

– Точно! – подтвердил Никита. – Я как раз сейчас дочке часто русские сказки читаю. Недавно читал про меч-кладенец... Баба-яга еще там...

– Меч-кладенец – волшебное оружие, которое обеспечивает победу над врагами. – Костя осторожно положил ржавый клинок на стол поверх бумаг. – Меч-самосёк его еще называют. Кстати, в русской мифологии, в сказании о Вавилоне-граде есть упоминание о волшебном мече-кладенце по имени Аспид-змея. Это такой меч-оборотень, он мог превращаться в змею, в аспида то есть. Вообще у многих мечей были собственные имена. Меч короля Артура, например, звали Эскалибур...

Сати закатила глаза, толстая Ирка глядела на нее с сочувствием.

Сати взяла чашку и вышла на балкон. Он был огромный, с кирпичными перилами, с увитым плющом навесом. В дальнем углу стояли два пластиковых кресла и маленький столик, заваленный газетами и заставленный кружками: работники музея в хорошую погоду пили здесь чай. Сати тоже частенько принимала участие в их чаепитиях, и каждый раз вид с балкона заставлял ее сердце сжиматься от красоты. Вокруг музея расстилался большой старый парк, уступами спускающийся к берегу. Посреди широкой медленной реки лежал изумрудно-зеленый остров. За рекой, далеко-далеко, там, где ясное летнее небо смыкалось с землей, тянулась гряда синих гор.

Сати поставила кружку на белые облупившиеся перила, глянула вниз. Там шелестели кусты боярышника, по дорожкам парка чинно прогуливались мамы с детишками. Рядом с балконом росло высокое раскидистое дерево: благородный ильм.

Сати подумалось, что если исключить современно одетых людей и прогулочные трамвайчики, снующие по реке, то пейзаж будет почти таким же, каким его видел каждый день из своего окна последний генерал-губернатор.

ГЛАВА 2

Когда в глаз великого мага со всего размаха заехал кулак, он окончательно понял, что день не задался. Незачем было и просыпаться.

До мордобития, впрочем, жизнь тоже не радовала.

Утром Тильвус пересчитал бутылки в продранном полиэтиленовом пакете и задумался: на беляш уже хватало, а на пиво – нет. Необходимо было раздобыть еще хотя бы парочку. Шаркая по нагретому солнцем асфальту, он поплелся к зданию строительного техникума, там почти всегда можно было найти что надо. Предчувствие и на этот раз его не обмануло: на бордюре тротуара, рядом с клумбой поблескивали в пыльной зелени боярышника три пустые бутылки мутного стекла. Неторопливой походкой, привычно обшаривая глазами обочины дороги – вдруг обнаружится еще бутылочка-другая, тогда хватит и на сигареты, он уже поравнялся, с крыльцом, когда из-за угла показались конкуренты: пара бомжей из привокзального сквера. Тильвус как-то встречался с ними, но близкого знакомства избегал, характер у парочки был скандальный и вздорный. Он прибавил ходу, претенденты на добычу – тоже. Один, помоложе, одетый, несмотря на теплый вечер, в болоньевую синюю куртку, поднажал и схватил бутылку первым. Подобной наглости Тильвус вытерпеть не мог и тут же ввязался в бой. Поединок получился бурным, но недолгим: на третьей минуте драки великий маг получил в глаз и потерпел позорное поражение. Конкуренты забрали трофеи, спрятали их в большой пакет с яркой надписью «Салон «Бабочка» – изысканное нижнее белье из Франции» и гордо удалились.

Тильвус кряхтя подобрал свой кулек и тоже двинулся прочь от места сражения, чувствуя, как левый глаз, в который угодил кулак, начинает заплывать. Он поднялся по крутому переулку, свернул на главную улицу города и остановился, чтобы отдышаться. В самом начале улицы, возле площади с фонтанами, почти на целый квартал тянулось серое здание банка, огромное, самодовольное, сверкающее зеркальными стеклами. Возле входа в огромных керамических вазонах пламенели пурпурные левкои. Тильвус подошел поближе к зеркальной стене и озабоченно взгляделся в собственное отражение, пытаясь оценить урон, нанесенный ему противником. Так и есть! Верхнее веко набрякло, грозя почти полностью закрыть левый глаз, губа опухла и увеличилась в размерах раза в два. Тильвус осторожно потрогал губу, вздохнул, сделал шаг назад, чтобы разглядеть картину полностью. Сияющее стекло отразило непрезентабельную фигуру городского бродяги, потасканного и побитого жизнью («А теперь и не только жизнью», – мрачно подумал Тильвус), в мятых бесформенных штанах, подпоясанных обрывком синей нейлоновой веревки, в продранной белой футболке-сетке. Неопрятная полуседая борода торчала клоками.

– М-да... – в раздумье произнес великий маг и пошевелил грязными пальцами босых ног, обутых в пляжные шлепанцы. – Видок, конечно...

Мягко хлопнула зеркальная дверь, показался рослый, широкоплечий, похожий на Джеймса Бонда охранник в черном костюме и при галстуке, с мобильным телефоном в руке. Он окинул Тильвуса профессионально тяжелым взглядом, и чародей оробел.

– Ну ты что, старый? – поинтересовался «Джеймс Бонд» голосом мягким, как наждачная бумага. – Долго тут стоять будешь?

Тильвус подхватил пакет и торопливо двинулся по улице, испуганно оглядываясь. Охранник подождал, пока он отойдет на порядочное расстояние, и вернулся на свой пост.

Городские часы на центральном универмаге мягко прозвенели девять вечера. Тильвус ненадолго задержался возле магазина, разглядывая выставленный в витрине спортивный тренажер, озадаченно поскреб в бороде, соображая, как должна работать эта сложная конструкция из сверкающих металлических трубок, похмыкал и двинулся дальше. Дел было полно, конкуренты не дремали, поэтому на Красной линии бутылки попадались нечасто.

Совсем недавно универмаг был ничем не примечательным сооружением из бетона и стекла. Но пару лет назад, когда городские власти решили восстанавливать исторический облик центральных улиц и принялись за реставрацию старинных домов на Красной линии, все здания, построенные позже и отличавшиеся унылой бездарной архитектурой, тоже поменяли облик. Их стилизовали под старину так искусно, что приезжие не могли отличить старинные дома от современных и искренне считали, что исторический центр города сохранился таким с незапамятных времен.

Огромное здание центрального универмага перестроили, покрыли красной черепицей, а наверху установили башню, на которую водрузили самые точные в городе часы. Вначале Тильвуса забавляло, что горожане определяют время по часам, но потом он и сам, проверяя урны на наличие пустых пивных бутылок, нет-нет да и поглядывал на высокую башенку с круглым циферблатом.

В городе Тильвус жил довольно давно, по человеческим меркам, конечно. Возможно, следовало выбрать другую местность, с более мягким климатом. Но ему нравился именно этот старинный город, раскинувшийся на трех зеленых холмах, с могучей широкой рекой, тенистыми бульварами, с цветущей по весне сакурой, с лютыми бесснежными зимами. И люди здесь жили в общем-то неплохие.

Тильвус поглядел на городские часы и прикинул, что делать на Красной линии сегодня совершенно нечего. Будний день, народ недавно пришел с работы, перекусил и расслабляется сейчас у телевизоров с бутылочками пива. Выносить мусор пойдут утром, часиков в восемь, тогда и можно будет пошурудить по бачкам во дворах.

Шаркая пластиковыми шлепанцами, он спустился с центральной улицы на бульвар, миновав трехэтажный старинный особняк красного кирпича на углу. Когда-то этот дом, как и многие другие в городе, принадлежал богатой семье купцов-миллионеров. В свое время глава семьи создал собственную торговую империю в прямом смысле слова с нуля: далекий необжитый край тогда только-только начинали осваивать предприимчивые люди. Вначале смысленный парнишка работал приказчиком в лавке богатого маньчжура, потом открыл небольшую лавку, затем купил баркас и стал промышлять самостоятельно: скупал пушнину, развозил товар по далеким стойбищам, по немногочисленным русским селениям, сколачивая собственный капитал. Большие деньги его не испортили: когда состояние перевалило за миллион, купец выстроил первую в городе школу, ночлежный дом, открыл ремесленное училище, заложил большой парк у реки. Уйдя на покой, долгое время был церковным старостой, дело же свое передал сыновьям.

Сейчас в городе проживала престарелая внучка купца-миллионера, обитала она в пятиэтажке возле городских прудов. Жила скромно, на маленькую пенсию, помощи у местных властей не просила, прав на наследство не заявляла. Тильвус видел ее как-то раз: наследница миллионов, сморщенная ссохшаяся старушонка с печальными выцветшими глазками сидела на скамеечке на площади, опираясь на палку, и вела тихую беседу с правнучкой, розовощекой пухлой девочкой в стильно продранных джинсах. «И это наш домик был, – печально перечисляла старушка, тыча палочкой в сторону здания из красного кирпича, где размещалась ныне краевая библиотека. – И вот это тоже наш домик, музей там сейчас, геологический... И магазинчик «Рыбный рынок» тоже наш, дедушки Андрея Федоровича с братцами, Василием Федоровичем да Егором Федоровичем...» Правнучка, прищурившись, смотрела на «домики» тяжелым взглядом.

Парк, заложенный удачливым купцом, тянулся вдоль набережной на несколько километров, уступами спускаясь к воде. Городские власти неоднократно пытались затеять его реконструкцию, но всякий раз натыкались на яростное сопротивление горожан. Возможно, парк действительно требовалось обновить, но сама мысль о том, что придется вырубить старые корявые вязы, благородные ильмы, высокие, с замшелыми стволами деревья маньчжурского ореха,

проложить сквозь густые заросли боярышника асфальтовые дорожки, доводила старожилы до иступления. В конце концов отцы города махнули рукой, и парк остался прежним: разросшимся, неухоженным, с протоптанными среди травы дорожками, усеянными полусгнившими орехами с такой толстой скорлупой, что разгрызть ее могли только черные белки, бесстрашно шнырявшие прямо под ногами у людей.

Закинув за спину разодранный полиэтиленовый пакет, Тильвус неторопливо брел по тенистому бульвару, незаметно разглядывая встречный народ. Определенно, в этом городе жили самые красивые девушки!

Некоторое время он серьезно размышлял, откуда каждое лето они появляются в таком количестве: стройные, юные, загорелые, с летящими по ветру волосами, в предельно коротких юбках, открывающих бесконечно длинные ноги. Взрослые красивые женщины привлекали его взор гораздо реже, но девушки!

Тут, поймав себя на фривольных мыслях, великий маг мысленно сделал себе суровое замечание, приказал не отвлекаться и держать курс строго на мусорный бак в конце бульвара.

Длинный летний вечер тихо угасал.

На скамейках, забравшись с ногами на сиденья, галдели компании подростков, чинно прогуливались по травке под деревьями владельцы собак с питомцами.

Рядом с парком, возле офиса крупной компании, занимающейся речными грузоперевозками, стояли несколько больших мусорных баков. Вряд ли там могло обнаружиться что-то стоящее, но заглянуть для очистки совести все же не мешало. На счастье, и конкурентов поблизости не было видно. Тильвус приподнялся на цыпочки и заглянул в бак: бутылок нет, только на самом дне виднеется куча скомканных бумажных пакетов, но далеко, не достать. Маг огляделся по сторонам, не валяется ли где подходящей палки, залазить в бак не очень-то хотелось.

Внезапно рядом с мусорным баком на грязном асфальте завихрился маленький серебристый смерч, закручивая обрывки бумажек и пустые полиэтиленовые пакеты. Тильвус поднял кустистые брови, хмыкнул, облокотился на железный бак и стал спокойно ждать, что последует дальше.

– Рад тебя видеть. – Появившийся из ниоткуда гость смотрелся на фоне городского пейзажа несколько непривычно. – Ты не это ищешь?

И он указал кивком головы на бутылку, закатившуюся за бак.

– Взаимно, – отозвался Тильвус несколько иронически. – За бутылочку – большое человеческое спасибо.

При слове «человеческое» гость фыркнул, сдерживая улыбку.

– А ты бы переоделся, – посоветовал Тильвус и с кряхтением опустился на колени, нашарив бутылку. – Народ тут, конечно, простой... плохого не подумает... но твой... гм... наряд вряд ли оценят по достоинству. Длинные волосы здесь тоже... Могут о тебе подумать что-нибудь... э-э-э... ну, неважно.

Он нашел наконец бутылку, выпрямился, и брови его снова поползли вверх.

– Уже? Ну-ну...

Тильвус окинул гостя с головы до ног долгим взглядом. Оценил элегантную стрижку, не короткую, но и не длинную, а в самый раз, покосился на дорогой темный пиджак, придирчиво оглядел шелковую рубашку неброской расцветки, изящный узел галстука. Перевел взгляд на заутюженную в меру складку брюк, потом нагнулся и, хмыкая, внимательно осмотрел дорогие ботинки из тонкой кожи, явно ручной работы.

Закончив обследование, Тильвус выпрямился, потянул крупным, пористым, похожим на старую картофелину носом аромат дорогого парфюма и сурово спросил, насупив лохматые седые брови:

– Армани?

– Кензо. – Гость небрежно смахнул с лацкана пиджака несуществующую пылинку.

– Понятно... – Тильвус пошевелил пальцами ног и помолчал немного. – А что за внешность?

– Да так, один голливудский актер, – уклончиво сказал гость. – А ямочка на подбородке как у Майкла Дугласа.

– Ага... То-то я гляжу, знакомая ямочка... Как у Майкла Дугласа, значит? Обычная внешность тебя, конечно, не устроила. Явиться сюда всенепременно надо с наружностью голливудского актера, а?! И с ямочкой на подбородке?! И непременно как у Майкла Дугласа!

– Мы очень чутки к прекрасному, – скромно заметил гость.

Великий маг захохотал.

– Ладно, – сказал он, вытирая слезы. – Я так подозреваю, Тисс, ты явился сюда не для того, чтобы продемонстрировать эту прекрасную рубашку? Хьюго Босс?

– Патрик Хельман.

– Патрик Хельман. Понятно. А очки тебе зачем? – бесцеремонно поинтересовался Тильвус. – Видишь, что ли, плохо?

– Зрение у меня прекрасное, – надменно сообщил собеседник. – Очки – дополнение к имиджу. Картье.

– К имиджу... ага... ладно... А машина у тебя, должно быть, «Понтиак»?

– Что? Скажешь тоже! Это еще почему?! Единственная известная тебе марка?

– От слова «понты», вот почему! Ну, пижон! Вы, эльфы, – пижоны каких мало!

Тисс высокомерно промолчал.

– Ну вот что. – Тильвус подхватил свой продранный полиэтиленовый пакет, бутылки звякнули. – Идем. Тут неподалеку небольшая забегаловка есть... Пивная, – пояснил он, заметив недоумевающий взгляд эльфа. – «Светлячок» называется. Посидим, поговорим. Там и внешность твою оценят по достоинству, и гардероб.

Он пощупал тонкую ткань пиджака, отвернул полу и взглянул на шелковую подкладку.

– Гуччи, – опередил вопрос Тисс.

Тильвус досадливо крикнул.

«Светлячок» оказался небольшим пивным баром, стилизованным под средневековый трактир, с деревянными столами и коваными светильниками на стенах, обшитых обожженной доской. Народу было не так уж много, Тильвус сразу же заметил укромное местечко в углу у окна, положил на скамейку пакет и направился к стойке. Рослая суровая барменша в фирменном зеленом фартуке глянула на него неласково.

– Так... – сильным голосом произнес маг, несколько оробев под ее взглядом. – Нам два пива, значит... и чего еще?

– Сам решай, – отозвался Тисс, с интересом изучая обширную коллекцию винных бутылок на полках. Барменша презрительно оглядела помятую бородатую физиономию Тильвуса, украшенную лиловым синяком, перевела взгляд на изысканный костюм эльфа и растерянно моргнула. Во взоре ее появилось недоумение.

– Что к пиву будем? – спросила она уже совсем другим тоном. – Чипсы, пиццу, кальмары? Есть иранские фисташки.

Тильвус пошарил по карманам штанов, вытащил мелочь вперемешку с табачными крошками, пересчитал, шевеля губами, и вздохнул.

– обойдемся без кальмаров, – с досадой проговорил он. – Только пиво.

Тисс усмехнулся, небрежно, двумя пальцами вынул из кармана рубашки хрустнувшую крупную купюру и протянул барменше через голову великого мага.

– Добавьте, что сочтете нужным, – сказал он, обаятельно улыбаясь.

Тильвус хмыкнул и пробормотал что-то. Его слова заглушила внезапно взревевшая музыка, однако эльф расслышал и усмехнулся.

– Давно хотел тебя спросить, – сказал он, когда они уселись за стол и барменша мгновенно поставила перед ними тяжелые стеклянные кружки. – Почему ты живешь именно здесь? В этом мире? В этом городе?

– А почему бы нет? – Тильвус шумно отхлебнул холодное пиво и прикрыл глаза от удовольствия. – О, свеженькое, неразбавленное... Да где я только не жил... А почему здесь? – Он пожал плечами. – Мне тут нравится.

– Помню, ты как-то говорил, что не любишь перемен. А здесь, мне кажется, жизнь меняется довольно быстро?

Тильвус огорченно кивнул.

– Не люблю перемен, это уж точно... а что жизнь быстро меняется, так это не только здесь происходит, разве не видишь? Ты же не можешь не замечать перемен только потому, что ты не человек?

– Ты тоже не человек, – заметил эльф, обдирая сухую соленую рыбу.

– Да. Но чувствую себя почему-то человеком... почти. А, что говорить! Здесь другое время, другой мир! Мы тут, понятное дело, не нужны вовсе, ни мы, ни наша магия. Здесь о ней и понятия не имеют! И что, думаешь, им от этого хуже? Как бы не так!

Тильвус вытер губы ладонью и придвинул тарелку с ломтями горячей пиццы.

– Погляди кругом. – Он незаметно указал глазами в сторону остальных посетителей бара. – Они замечательно обходятся без нашей помощи, просто замечательно! И знаешь, что я думаю? Когда-нибудь у нас будет то же самое!

– Ну и хорошо.

– Может, и хорошо. Да только мы будем людям совершенно не нужны. Как родители – детям. Пока они еще маленькие, учатся ходить и все такое, родители им необходимы. А потом дети вырастают и начинают жить своей жизнью – и все! Они, конечно, родителей любят... по-своему... но мы уже того... отработанный материал.

Тильвус запихал в рот кусок пиццы и запил пивом.

– И вспоминают родителей два раза в год: на день рождения да на Рождество, ясно?

– Что такое Рождество? – поинтересовался, жуя, эльф.

– Праздник такой. Елку наряжают, подарки дарят, гости, угощение...

– Веселый?

– Обхохочешься, – мрачно сказал великий маг. – Мне как-то на Рождество петардой в лоб запустили. Пошутили, называется!

Тисс фыркнул в кружку с пивом. Тильвус сердито покосился на него и несколько минут молча, сосредоточенно жевал.

– Но вообще-то... – проговорил он, – мне здесь хорошо. И жизнь такая мне очень даже нравится. Seriously! В кои-то веки я свободен! Свободен от всего! Я будто тыщу лет с плеч сбросил, веришь?

Тисс поднял брови.

– Вот как?

– Да! Главное – свобода! – Тильвус оттолкнул пустую тарелку. – Не отвечать ни что и ни за кого – это и есть самая настоящая свобода. Замечательно! Спокойно!

– Интересная философия, – вежливо заметил эльф, перебирая фисташки длинными пальцами с ухоженными ногтями.

– Да уж! – Маг яростно покосился на маникюр приятеля и цапнул кусок пиццы с его тарелки. – Сколько уже можно спасать мир! – проговорил он не очень разборчиво, впиваясь зубами в пищу. – Надо и отдохнуть. Пусть побегают без меня, попробуют!

Он потянулся к кружке, одним глотком допил остатки пива и, прищурив глаза, уставился на своего собеседника.

– Ведь там обо мне и не вспоминают, а? Ну, давай честно скажи, без всяких этих эльфийских штучек, без уверток! Не вспоминают ведь, а?

– Ты отсутствуешь довольно долго, – дипломатично ответил Тисс, разглядывая дно своей кружки. – Конечно, люди тебя... э... немного подзабыли. Но сохранились легенды, сказки... даже песни... о тебе, о твоих... гм... деяниях.

Тильвус презрительно фыркнул.

– О деяниях? О каких еще деяниях?! Скажи просто – забыли!

Он сердито засопел и уставился в окно. По мостовой сплошным потоком бесшумно летели машины с зажженными фарами.

– Наверное, уже и не верят, что я вообще существовал, – пробормотал великий маг.

В бар ввалилась большая компания из университета, расположенного неподалеку. Молодежь галдела у стойки, выбирая закуски к пиву. Девушки в коротких юбочках рискованно перегибались через барную стойку, рассматривая банки с пивом. Тильвус покосился на студенток и вздохнул.

– На девушек заглядываешься? – спросил эльф, от которого не укрылись заинтересованные взгляды приятеля.

– И что с того?! – вызывающим тоном ответил великий маг и поерзал на скамье. – Не заглядываюсь, а так просто! Ну и что?

– А то! Вспомни, сколько тебе лет.

Тильвус снова недовольно засопел.

– А тебе?!

– Ну, я все же моложе тебя!

– Ненамного! – сердито отрезал Тильвус и демонстративно отвернулся к окну.

Они немного помолчали.

– Послушай, – Тисс отхлебнул пиво, незаметно наблюдая за приятелем, – если хочешь, чтобы о тебе вспомнили, самое время вернуться.

– Я так и знал! – Тильвус пристукнул тяжелой кружкой о стол. – Началась какая-то история, а? Заварушка? Поэтому и вспомнили обо мне. Только сейчас?!

– Не хотелось надоедать тебе лишний раз, – пожал плечами эльф. – Когда после Войны Магов ты решил исчезнуть, то сказал, помнится, что видеть больше никого не желаешь. Да еще и предупредил, что всякого, кто рискнет тебя отыскать, превратишь в летучую мышь.

– Вот именно, – многозначительно процедил Тильвус.

– Ну, сам понимаешь... желающих провести остаток жизни в таком малосимпатичном облике было немного.

Тильвус щелкнул кнопкой выключателя, над столом вспыхнула неяркая лампа под желтым абажуром.

– Ладно, бросай свою эльфийскую дипломатию, разговоры о том о сем, – недовольно пробормотал великий маг. – Переходи к делу, рассказывай, что тебе от меня нужно. Можешь хоть раз в жизни сказать прямо?!

– Хотел просто поговорить с тобой, – глядя на приятеля честными глазами, проговорил Тисс. – Неужели для того, чтобы навестить старого друга, нужен какой-то предлог?

– Вот как? – пробурчал Тильвус, пытаясь разорвать скользкий пакет с кальмарами. – Отлично... Поговорить, значит? А выпорхнуть отсюда в облике летучей мыши ты не хочешь?

– Брось свои дешевые трюки, – хладнокровно сказал эльф. – Ими можно удивить разве что простолюдинов на ярмарке. Магией в этом мире ты воспользоваться не можешь, так что сказками о превращении в мышей, нетопырей и прочую дрянь будешь пугать кого-нибудь другого.

Великий маг сердито засопел.

– А ты не испытывай мое терпение. Лучше заводи-ка разговор о спасении мира. А впрочем, можешь даже не начинать. – Тильвус откинулся на спинку скамьи. – Я их слышал много раз, знаешь ли. Не понимаю, почему должен снова выслушивать... Не желаю возвращаться обратно – и точка!

Он допил пиво, помахал рукой барменше, чтобы принесла еще, и покосился на приятеля. Тот с подчеркнутым вниманием разглядывал старинные фотографии на стенах, изображающие город, каким он был лет сто назад.

Барменша поставила на стол две полные кружки, принесла чистую пепельницу, заинтересованно поглядывая на Тисса. Тот благосклонно кивнул. Тильвус, заметив это, презрительно хмыкнул.

– Тщеславное существо! Не можешь удержаться от того, чтобы не пленить любую особу женского пола, попавшую в поле зрения?

– Да кто их пленяет, – пробормотал Тисс. – Они сами пленяются. С большой охотой, между прочим.

– Оно и видно, – буркнул недовольно маг, не глядя на Тисса. – Лучше за пиво заплати. Тисс расплатился, подождал, пока девушка отойдет, и задумчиво поглядел в кружку.

– Ну, я все-таки скажу о спасении мира, – осторожно начал он.

Тильвус свирепо блеснул глазами.

– Твой покой долго никто не тревожил. Ты жил как хотел – все понимают, что ты заслужил это право. Кстати, как время течет тут, в этом мире? Возможно, здесь прошел всего год или два. Или десять лет, неважно. Но у нас-то прошли сотни лет! И знаешь, старина, в этот раз без твоей помощи придется туго, – признался эльф.

Тильвус с недовольным видом уставился в окно.

– Бесплезно. Прибереги красноречие для кого-нибудь другого! Я не собираюсь возвращаться. Буду жить здесь так, как жил до сих пор. И если ты надеялся, что я...

– Разве ты не хочешь в очередной раз покрыть свое имя неувядаемой славой? – вкрадчиво поинтересовался Тисс.

Тильвус быстро взглянул на собеседника, но эльф смотрел на него ясными, честными глазами.

– Не хочу. Я не дракон, – сдвинул брови маг. – Это они тщеславны и падки на лесть. Пообещай им, что они могут покрыть свое имя неувядаемой славой, – и они что угодно сделают. Даже из собственной чешуи выпрыгнут.

– Замечательная шутка, – довольно кисло сказал Тисс. – Передать ее кому-нибудь из знакомых драконов?

– Боже упаси! Нет, лучше не надо. Они будут долго допытываться, что я имел в виду, выяснять, правда ли, что это шутка, а если шутка, то в каком месте нужно смеяться. У драконов слишком своеобразное чувство юмора, чтоб над ними подшучивать. Гм... Ладно, – сменил тему Тильвус. – Хватит уже о драконах. Слушай, мы должны с тобой отлучиться ненадолго... кое-куда.

Тисс недоуменно взглянул на собеседника.

– Куда?

– В туалет, – сквозь зубы пробормотал Тильвус многозначительно.

– В туалет?! Это еще зачем?

– Затем, что мы сидим здесь уже больше часа и выпили по полтора литра пива. А пиво, оно знаешь... И окружающим может показаться очень странным, что ни ты, ни я, ни разу не сходили того... отлить. Только давай по очереди, а то народ здесь такой – слязят пепельницу со стола, а нам потом за нее платить.

Вернувшись за стол, Тильвус огляделся по сторонам, выждал момент, когда барменша отвернется, и быстро вытер руки клетчатой занавеской на окне.

Потом пожевал сухого кальмара и поморщился.

– Фу, гадость! – сказал он и пожал плечами. – А людям нравится.

– Значит, ты остаешься, приятель? Ну, не могу не согласиться – здоровое решение! – заметил Тисс и кинул в рот парочку соленых орешков. – Мы, конечно, рассчитывали на тебя...

– Зря, – хладнокровно проговорил Тильвус. – Так и передай.

– Передам, – покладисто согласился эльф. – Да я так и знал. Я так и думал, что тебе тут отлично живется. – Он бросил взгляд на компанию девушек за соседним столом и понизил голос: – Я бы на твоём месте тоже не вернулся.

Маг взглянул на него с подозрением.

– Брось, я тебя знаю не первую тыщу лет. Что задумал?

– Ничего. Напротив, искренне рад за тебя, старина!

Тильвус обеспокоенно поерзал на скамейке.

– Старина?! Кто бы говорил... Послушай, я помню, у тебя есть отвратительная черта – умеешь ты свои проблемы перекидывать на другие плечи. Что, нашел уже козла отпущения?

– Не понимаю таких заявлений, – высокомерно проговорил Тисс.

– Брось, прекрасно понимаешь! Только ничего у тебя в этот раз не выйдет. Кто бы ни явился из нашего мира, убедить меня вернуться обратно он не сможет.

– Да из нашего-то мира как раз никто и не явится, – туманно сказал эльф. – Дураков нет, кому ж хочется порхать летучей мышью и питаться... чем эти твари питаются, кстати?

– Понятия не имею. У друидов спроси, они должны знать.

– Спрошу. – Тисс придвинул поближе вазочку с фисташками. – Да, совсем забыл сказать... тебе вряд ли будет интересно... Твой зачарованный меч... словом, он тоже здесь.

Тильвус облил бороду пивом.

– Здесь – это где? – быстро спросил он. – В этом мире?

– В этом мире и даже в этом городе, – сказал Тисс. – Странник явился за своим хозяином – что ж тут удивительного? Ты что, забыл его характер? Знаешь...

– Замолчи! – приказал Тильвус. Он глядел перед собой сосредоточенным взглядом и барабанил по столу пальцами с неровно обкусанными ногтям.

– Не хочу тебя слушать. И знать ничего больше не хочу. Я поклялся не вмешиваться – и не буду. В прошлый раз было мое последнее вмешательство! – торопливо заявил он, видя, что его собеседник открыл рот. – Так что на помощь не рассчитывайте! И я не собираюсь искать в городе Странника. И не надейтесь на это!

– Да кто надеялся-то?! Я же сразу так всем и сказал: нечего на него рассчитывать, – сказал Тисс. – На тебя то есть. Обойдемся!

– Вот и отлично, – недовольно пробурчал маг. – Обходитесь.

Когда Тильвус и Тисс покинули бар, на улице уже совсем стемнело. Медленно разгорались оранжевым светом высокие кованые фонари, вспыхивали спрятанные в траве газонов маленькие прожектора, и из темноты, словно театральные декорации, выступали нарядные фасады зданий, подсвеченные голубоватым светом.

Маг и эльф прошли пару кварталов, свернули на неосвещенную боковую улочку, обрамленную высокими тополями, и остановились.

– Рад был повидаться с тобой, старина, – самым сердечным тоном произнес Тисс.

– Взаимно, – пробурчал Тильвус, с подозрением поглядывая на приятеля – в голосе эльфа ему послышались ехидные нотки. – Можешь заглянуть как-нибудь... если время будет.

Тот улыбнулся, блеснув в темноте зубами.

– Не обещаю. Когда разгораятся войны, становится как-то не до гостей, знаешь...

Тильвус засопел.

– Ну ладно... – пробурчал он. – Ладно! Некогда так некогда. Уговаривать не буду. Ты мне вот что скажи...

Но Тисс уже исчез, растворившись в городских сумерках.

– Чтоб тебя! – выругался Тильвус. – Чтоб тебе пусто было! Только хотел спросить, что у них там затеялось... Ну да ладно...

Он посмотрел на черное ночное небо, подсвеченное городскими огнями, определил, что скоро начнется дождь, почесал под лопаткой и поплелся к овощебазе – определяться на ночлег.

ГЛАВА 3

«Уж каких только чудодейственных таблеток для похудения нам не предлагали, каких только научных доказательств не приводили, каких только гарантий не давали!» – написала Сати и с тоской поглядела в окно.

В маленьком скверике, возле клумбы с левкоями курили две белокурые девушки в баварских костюмах. В направлении речного вокзала тащился хмурый бородатый дед-дачник с маленькой тележкой. На девиц в пышных коротких юбках он не обратил никакого внимания. Сати вздохнула: в глубине скверика располагался ресторан немецкой кухни «Пивнушка», и там, по слухам, подавали настоящее баварское пиво и замечательные белые сосиски с горчицей. Проверить слухи не было никакой возможности: цены в «Пивнушке» повергали простых смертных в шок. Девушки трудились в ресторане официантками, Сати видела их уже не первый раз.

– Так... – Она уставилась в монитор. – Что ж там дальше-то? Ага! – Пальцы снова забегали по клавиатуре. – «Так как же похудеть и не поправиться?» – написала Сати и задумалась.

В самом деле – как? Теперь, после небольшого вступления, следовало мягко и деликатно намекнуть на существование в Городе Центра восточной медицины, который практиковал иглоукалывание и сдирал неплохие деньги с желающих расстаться с лишним весом.

– И только у нас, в нашем Центре специалисты высочайшего класса помогут вам... Помогут, ага... нет, это что-то очень глупо, про специалистов «высочайшего класса...». Даже для рекламы глупо...

Задрезжал телефон. Сати схватила трубку.

– Да! – раздраженно рявкнула она, одним глазом косясь на свой текст.

– Здорово, борзописец! – раздался в трубке бодрый голос Никиты. – Чего делаешь!

– С голоду помираю, – буркнула Сати. – Снимки из музея готовы?

– Музеи-шмузеи... Готовы. На сервере возьми. Папка «Музей». Поняла? А что, есть сильно хочешь?

– Да иди ты...

Сати шмякнула трубку, прекратив разговор, и вернулась к работе.

– Так... «Похудеть и не поправиться»... ага...

С утра в редакции было непривычно тихо, поэтому Сати сидела на своем собственном месте, за столом возле окна. Обычно, когда с репортажей возвращались шумные корреспонденты, ей приходилось перебираться в вечно пустующий кабинет ответственного секретаря редакции: рекламные тексты иной раз требовали тишины и сосредоточенности, особенно когда заказчик сам не знал, чего он хочет. Неподалеку от нее, на потертom зеленом диване сидел фотокорреспондент с литературной фамилией Аверченко и, хмуря светлые брови, вдумчиво читал «Интим-газету». Газету издавали в дружественной редакции, что находилась на соседней улице, и фотокор, пользуясь знакомствами, всегда брал номерок на халяву. Халяву потом прилежно изучала вся мужская часть редакции и долго делилась впечатлениями, столпившись в курилке.

– Так... – снова повторила Сати, пробежав глазами записанные на обрывке листка пожелания заказчика. – «В нашем Центре вы не только избавитесь от лишних килограммов, но и...» Но и от лишних денег, блин! Но про деньги не будем, будем про то, как похудеть.

Но написать про похудение она не успела: в дверях появился Никита с большим термосом в руках.

– Не померла еще с голоду? – поинтересовался он. – Где у вас тарелки?

– На кухне. А что там, в термосе? – оживилась Сати.

– Каша гречневая. Понимаешь, сегодня работы много, денег нету, ну, я с собой поесть захватил.

– На двоих хватит?

Она порылась в грудe бумаг на подоконнике и отыскала две одноразовые тарелки. Они, впрочем, только назывались одноразовыми, на самом деле после каждого обеда Сати их споласкивала и прятала, чтобы не стащили коллеги.

– Хватит, – отозвался сисадмин, выгружая дымящуюся кашу. – Ты про музей написала уже?

– Когда? – расстроилась Сати. – Сейчас вот Центру восточной медицины напишу текст, потом магазину «Сад-огород», потом уже музею. Сейчас буду письма сочинять.

– Какие письма? – спросил Никита, набивая рот гречневой кашей.

– Какие-какие... якобы от тех, кто ходил в этот Центр и похудел. Вот, слушай. – Сати разгребла на столе бумаги и вытащила мятый листок.

– «Спасибо судьбе, что она привела меня к вам!» – начала она читать с выражением, поглядывая на сисадмина, всюю орудующего ложкой. – Не лопай с такой скоростью, мне оставь! «...привела меня к вам. Спасибо за лечение, которое вы провели на высочайшем уровне. Я похудела на двадцать восемь килограммов...»

– На сколько? – переспросил Никита.

– На двадцать восемь. А что? Думаешь, много? Не поверят? Ну, я могу написать – на пятнадцать килограммов. Какая разница?

– Читай дальше.

– «...на пятнадцать килограммов и продолжаю худеть».

Сисадмин заржал.

– Что? Я еще в конце хочу написать про ощущение легкости и молодости. Что-нибудь этакое завернуть. Красивое.

– Ты можешь... чего от тебя ждать. Это они от пьянства кодируют?

– Они от всего кодируют. Были бы деньги! – Сати оживилась. – Ты представляешь, я к ним приезжаю в первый раз, поговорить с главврачом, узнать, что они хотят видеть в статье, ну, как всегда. – Она схватила ложку и придвинула тарелку поближе. – Попала на обеденный перерыв. Никого нет. Захожу в первый попавшийся кабинет... – Сати сделала паузу, и Никита замер, не донеся ложку до рта.

– Там сидит врач. Кудесник в белом халате! Я и рта не успела раскрыть, он ко мне подсакивает: «Вы на кодировочку? Сейчас закодирую вас от пьянства!»

Сати покрутила головой.

– Неужели так заметно, что мне от этого дела кодироваться пора?!

– И что? – с интересом спросил Никита.

– Я и рот открыть не успела, он как начал руками махать. Как начал! Лицо такое вдохновенное сделал! Короче, закодировал, подлец. Я говорю ему: «Доктор, я по другому вопросу! Я к вам по рекламе!» А он: «Что ж вы раньше не сказали! Я, говорит, свое биополе на вас потратил!» Ага! Будто кто его просил биополе на меня тратить.

– Так ты теперь пить не можешь, что ли? – Никита озадаченно почесал в затылке черенком ложки. – А ты вроде вчера пиво в «Бермудах» пила?

– Ну да! – отмахнулась Сати. – Скажешь тоже... Я когда с главврачом поговорила, снова к этому мужику зашла. Говорю: «Снимайте кодировку и забирайте обратно свое биополе! Мне оно на фиг не нужно! У меня у подруги день рождения на следующей неделе, что ж мне, минералку пить? Да и работа у нас такая...» А он рукой махнул и говорит: «Все, снял уже!»

Никита хмыкнул.

– Да уж... А теперь они про похудение статью заказали? Это ее строчишь?

Он, прищурившись, взгляделся в текст на мониторе.

– Про похудение, ага. С утра сижу. Почти написала уже.

Никита прочитал заголовок будущей рекламной статьи и фыркнул:

– Дуришь народ! Не стыдно?

– Не очень, – честно призналась она.

Они доели кашу, Сати убрала тарелки на окно и прикрыла их газетой.

– Слушай, послезавтра с утра, вполне возможно, будет съемка, – сказала она шепотом, оглядываясь на Аверченко. – Поедем на рубероидный завод. Они оплачивают половину полосы текста и четыре снимка. Сможешь? Машину я заказала.

– Попробую, – солидно проговорил Никита и поднялся. – Ладно... пиши про похудение... писатель. А я пойду в отдел развития разборки устраивать. Качают, понимаешь, порнуху в таких масштабах, что мне страшно счет за Интернет шефу показывать. Обнаглели совершенно! Вот посажу вас всех на лимит, будете в Сеть на пару часов в день выходить, – пригрозил Никита на прощание и исчез.

Через два часа Сати дописала наконец текст для Центра восточной медицины, распечатала, как полагается, в двух экземплярах и отправилась на первый этаж в отдел рекламы. В кабинете у рекламщиков висел густой сладкий запах.

– Вы что тут, кальян курите? – поинтересовалась она, нисколько, впрочем, не удивившись. Отдел рекламы славился своей непредсказуемостью, и от них можно было ожидать чего угодно.

– Это «палочка веселья», – строгим голосом сообщила корректор Алла Михайловна. На ее столе возвышались штабеля словарей и всевозможных справочников, и корректор выглядывала из-за них, как из-за бруствера. – Принесла текст про похудение?

– Принесла. А что за «палочка веселья»?

Из дальнего угла послышался хохот: веселились двое студентов, присланные в отдел рекламы на летнюю практику.

– Господи, когда уже мой кабинет отремонтируют! – вздохнула Алла Михайловна и поджала губы. – Тяжело здесь работать, ужасно шумят наши рекламщики с утра до ночи. Лучше бы в бухгалтерии сидела, там по крайней мере тихо. Это все «палочка веселья», – пояснила она. – Анна, наш новый менеджер, взяла рекламу у салона «Нирвана», они торгуют ароматическими маслами и восточными благовониями. Ну, и они презентовали ей две упаковки палочек каких-то благовоний. Она их с утра в отделе и жжет! Одна упаковка называется «Палочки веселья»...

– И что? – с интересом спросила Сати. – Действует? Весело стало?

Корректор в отчаянии махнула рукой:

– С утра все хохотали как ненормальные. Я вот думаю, может, там что-то подмешано? В благовония эти? Понимаешь, как-то странно, когда весь отдел смотрит, как дымится палочка, и заливается хохотом? Разве это так смешно?

– А потом что? – Сати покосилась в сторону студентов: они с восторгом прислушивались к рассказу Аллы Михайловны и фыркали от смеха.

– Потом зажгли вторую палочку. Аня сказала, что она называется «Успешный менеджер». Способствует заключению выгодных сделок.

– Вот как? Гм... это хорошая вещь, должно быть... А как действует?

– Хорошая, – строго сказала Алла Михайловна и поглядела в окно. – Я не знаю, как она действует, но через пять минут наших девиц-менеджеров как ветром сдуло. Все понеслись по клиентам.

Сати погрузилась в размышления.

– Надо с «Нирваной» договор заключить, – задумчиво проговорила она. – На поставку этих самых палочек в нашу контору. «Палочки веселья» нам ни к чему... и так весело живем, а вот «Успешный менеджер» – это да. Это стоит попробовать. А на вас подействовало?

– Избирательно, – вполголоса призналась корректор и покосилась на практикантов. – Не смешно, но работать хочется. И меня это, честно говоря, немного пугает. Не хотелось бы, чтобы трудовая активность была чрезмерной, понимаешь? Пока сопротивляюсь, но вдруг они раздобудут палочки «Трудолюбивый корректор»? Что тогда делать?!

До обеда Сати сочиняла рекламный текст для магазина, торгующего садовым инвентарем, одновременно читая «Интим-газету» и размышляя о том, стоит заказывать палочки «Успешный менеджер» или же нет.

– Чья очередь на машину? – внезапно заорал у нее над ухом Игорь Хамер, криминальный корреспондент. От неожиданности Сати подскочила.

– Откуда я знаю?! – раздраженно рявкнула она. – Глянь на доске, график там!

Хамер глянул. Вместо графика на доске объявлений красным маркером крупными буквами было написано: «А ты готов к пятнице 13-го?»

Пятницу, которая выпадала в этом месяце на тринадцатое число, в редакции собирались отмечать с особым размахом. Но сейчас криминальному корреспонденту было не до этого.

– Сообщили только что. – Он перешел на зловекий шепот и оглянулся по сторонам, хотя поблизости никого не было. – По большому секрету. Оч-ч-чень оригинальное ограбление в кафе «Чародейка». И труп есть! Надо ехать срочно, опередить этих телевизионных стервятников из «Губернского города». Срочно! А машины нет.

– Что ж там оригинального? – кисло спросила Сати. – Ворюги сожрали, небось, ихнюю стряпню, да и тапки откинули! Ты в этой «Чародейке» был? Нет? Ну вот! А я была как-то. Слушай, шеф требует какое-то письмо из прокуратуры. Говорит, лежало на моем столе. Ты не видел? – спросила она со слабой надеждой.

– Не видел. Я к твоему столу и близко не подходил, – открестился Хамер. – Да ты мусор на рабочем месте разгреби, вот и найдешь.

– Скажешь тоже... «мусор разгреби»! Это не мусор, а нужные и важные документы, ясно? А где письмо? Слушай, Игорек, у тебя же в прокуратуре, наверное, свои люди сидят? Может, позвонить туда, соврать, что письмо... ммм... и попросить срочно выслать новое?

– Не поверят. Там народ бдительный, – ответил Хамер и с шумом понесся в отдел рекламы. Оттуда сразу же раздались крики начальника рекламной службы.

Сати вздохнула. Она вытащила из-под стола обувную коробку, набитую письмами, перевернула, разворошила... Нужного конверта не было.

Сати выдвинула один за другим два ящика стола и вывалила содержимое прямо на пол. Письма и там не оказалось.

– О, каталог карикатур! – удивился Аверченко, привстав с дивана и с интересом разглядывая находку. – Так он, значит, у тебя?

– Господи, как его Никита искал в прошлую верстку... – смущенно сказала Сати. – Он чуть Хамера не убил, когда выяснил, что тот был последним, кто этот проклятый каталог в руках держал. Ладно, тихо!

Она торопливо запихала каталог под груды бумаг на полу.

– Потом незаметно верну его на место, в кабинет ответственного секретаря, – пообещала она. – Когда никого в редакции не будет.

Сати поворошила бумаги, выяснила, что никакого письма там нет, и расстроилась окончательно. Чтобы успокоиться, пришлось прервать работу над рекламным текстом и разложить пасьянс «Косынка». На второй раз пасьянс сошелся, и Сати повеселела, но тут на пороге показался начальник рекламной службы.

– Ты-то мне и нужна! – объявил он и ловко попал огрызком яблока в мусорную корзину.

– Неужели? – без особой радости сказала Сати. – Я гляжу, на тебя тоже подействовала палочка «Успешный менеджер»?

– Она только на подчиненных действует. Я хотел узнать, ты написала рекламу мебельному салону? Изготовление компьютерных столов, стеллажей и все такое? Текст на полполосы. Нужен завтра. Написала?

Сати промолчала, но начальник рекламы не отставал:

– Мы хотим его уже сегодня на верстку отправить, пусть дизайнеры картинки подходящие подыщут.

Он заметил на столе Хамера бутерброд с колбасой и без зазрения совести откусил половину.

– Где текст?

– Да погоди ты, – перебила его Сати, не отрываясь от монитора и раскладывая пасьянс в третий раз. – Ты что, не видишь? Я некоторым образом занята. Ну написала, написала... вечером принесу.

– А где он? – пробубнил начальник.

Сати, крайне недовольная его настырностью, пощелкала мышкой и открыла файл.

– Так, – сказал начальник рекламы, уткнувшись в экран. – Вот он. «Современный человек большую часть своего рабочего времени проводит за компьютером». Отлично. А это что – все? – Он растерянно поморгал. – Весь текст?

– Весь, – хладнокровно ответила Сати. – А что, думаешь, это так легко? Работа рекламного журналиста по энергозатратам может сравниться только с работой шахтера, ясно? Это я в Интернете вчера вычитала. Так что иди пока... командуй подчиненными. Остальное к вечеру напишу.

Спровадив начальника рекламы, Сати еще некоторое время занималась «Косынкой», потом глянула на часы и потянулась к телефону.

– Никита, – прошипела она в трубку, опасливо оглядываясь на Аверченко – тот все еще читал журнал, вместо того чтобы разбирать фотоархивы, как еще вчера велел ему шеф. – Давай, собирайся. Пора в «Бытовую технику» ехать.

До выезда еще оставалось полчаса, но Никита был человек занятой, поэтому о предстоящем выезде Сати всегда сообщала ему заранее.

Магазин «Бытовая техника» находился в цокольном этаже центрального универмага, расположенного на Красной линии. Народу в «Технике» оказалось неожиданно много, несмотря на будний день. Сати и Никита побродили немного среди витрин, поглазели на чудо-агрегаты, посмотрели фрагмент мексиканского сериала, который транслировался на огромном плазменном экране, и протолкались наконец к прилавку.

– Черт! – расстроилась Сати. – Теперь я до вечера не узнаю, найдет Хуанита своих родителей или нет. Я так и знала, что эта донна Розалия – не ее мать.

– Хуанита? – недоверчиво переспросил Никита. – Вот так имечко! А что, вечером эта самая Хуанита тебе позвонит и расскажет про донну как-ее-там?

– Вечером повторяют этот сериал, по местному каналу. Я тебе сейчас расскажу коротенько, в чем там дело... Понимаешь, донна Розалия – это на самом деле никакая не...

– Все сорок серий будешь рассказывать? Зови-ка лучше продавца, работать пора.

Сати, бесцеремонно отпихнув кого-то, пробралась к прилавку и махнула рукой знакомой продавщице. Та, загадочно улыбаясь, повела их через подсобное помещение к главному бухгалтеру.

– Марина, зачем нам главный бухгалтер? Она что, сама о холодильниках рассказывать будет? – подозрительно выпытывала Сати, с трудом поспевая по плохо освещенному длинному коридору за продавщицей. – Мне бы кого-нибудь из консультантов. Бухгалтер сейчас как начнет свой дебет-кредит объяснять... Я все равно в этом не разбираюсь совершенно!

– Ирина Сергеевна велела, как только вы придете, так сразу вас к ней проводить, – пояснила Марина, стуча каблучками.

– Заказ снять хочет, не иначе, – расстроившись, пробубнил Никита. – Зря пришли!

– Ладно, мы быстренько выясним сейчас, что к чему, и в контору вернемся. Я тебе по дороге как раз про донну Розалию расскажу.

Оказавшись, однако, в просторном, светлом кабинете главного бухгалтера, Сати с Никитой поняли: быстро им отсюда не выбраться. У Ирины Сергеевны был день рождения, и отметить она его решила, судя по богато накрытым столам, на широкую ногу. Сотрудники универсама в приподнятом настроении толпились возле буфета, уставленного разноцветными бутылками, и звенели фужерами. Веселье только-только начиналось.

Увидев вновь прибывших, именинница, величественная и осанистая дама в длинном бархатном платье, поплыла навстречу.

– Ой! – Сати смутилась, что бывало с ней нечасто. – Неудобно-то как... А мы не знали... И без подарка!

– Ерунда какая, – отмахнулась та, радушно одаряя их поцелуями. – Хорошо, что зашли. А то ты, Сати, только на пять минут и забегаешь. Здравствуй, Никитушка...

К Никите она особенно благоволила: сисадмин недавно апгрейдил домашний компьютер ее сына.

Сати между тем разглядела столы, впечатлилась увиденным и горячо поблагодарила небеса за то, что взяла на съемки Никиту, а не прожорливого Аверченко. Того оторвать от таких угощений было бы невозможно даже под дулом автомата.

Едва многочисленные гости заняли свои места. Едва Никита соорудил первый бутерброд с икрой, изо всех сил делая вид, что не замечает призывных взглядов очаровательной девушки-консультанта из отдела крупной бытовой техники, а Сати чокнулась бокалом шампанского с симпатичным коммерческим директором, как случился сюрприз: внезапно ожило внутреннее радио.

Радио пошуршало, посвистело, откашлялось и произнесло голосом начальника службы охраны универсама:

– Внимание, товарищи... господа... Короче, всем сотрудникам универсама срочно покинуть помещение! Здание заминировано. Повторяю, если кто не слышал: здание заминировано! Сейчас менты подъедут, так что берите личные вещи и выметывайтесь быстрее!

Начальник охраны снова громко пошуршал и сказал кому-то раздраженно:

– Да без тебя понимаю, что туфта. Какому дураку понадобится нас минировать, когда, рядом – краевая дума?! Но так положено. Перейдите на другую сторону улицы, где кинотеатр, и стойте там, пока саперы по отделам пошарят.

Красавица-бухгалтерша схватилась за сердце и окинула прощальным взором роскошно накрытый стол. Гости замерли, не донеся вилки до рта.

Первым опомнился коммерческий директор.

– Все на улицу! – решительно скомандовал он.

– А вы, Игорь Витальевич? – преданно глядя на него, спросила кассирша.

– А я, как положено капитану, покину тонущее судно последним, – ответил директор и заржал.

– Повезло этим саперам, – пробурчал расстроенный маркетолог, заворачивая в салфетку парочку слоеных пирожков с капустой. Никита с сожалением оторвался от салата под названием «Гнездо глухаря», напоминающего по виду шапку Мономаха, и поднялся. Сотрудники торопливо потянулись к выходу, тоскливо поглядывая на хрустальные вазы с нетронутой красной икрой, на пирамиды горячих пирожков, блюда с салатами, подносы дымящихся котлет. На боковом столике сиротливо возвышались бутылки с пестрыми этикетками и недопитые бокалы.

Покинув «тонущее судно», работники магазина оказались на солнечной улице и понуро побрели в тень тополей.

– Эх, Никита, какого мы дурака сваяли! – огорченно сказала Сати, усаживаясь на чугунную решетку газона. – Надо было сначала холодильники сфотографировать, а потом уже за стол садиться. А теперь ждать придется, пока это здание разминируют. А тут, между прочим, четыре этажа, пока их все обыщут, столько времени пройдет.

Сисадмин развел руками:

– Кто знал! Но я, как и полагается порядочному мародеру, прихватил кое-чего...

Он вытащил из сумки две бутылки пива.

– Будешь?

– Давай, – согласилась Сати. – А пожевать ничего не захватил?

– Я думал, ты об этом позаботишься. – Никита ловко открыл бутылки ключом от машины. – А ты коммерческому директору глазки строила.

– Я о холодильниках с ним разговаривала, – неуверенно соврала Сати. – Про объемы продаж узнавала.

Саперы подъехали оперативно. Из машины выпрыгнули две собаки и, натянув поводки, бодро поволокли своих проводников в магазин.

– Ишь, – произнесла кассирша и поджала губы. – Знают, куда идут.

Вслед за саперами из машины вылезла корреспондентка одной из местных радиостанций – вездесущая Юлька. Она всегда первой узнавала все криминальные новости благодаря мужу, работающему в пресс-службе УВД.

Юлька важно помахала рукой Сати и скрылась за зеркальными дверьми.

– Гм... а Хамер-то наш и не знает, – задумчиво проговорила Сати. – Позвонить ему, что ли? Хотя, он, кажется, в «Чародейку» поехал?

Медленно потянулись минуты ожидания.

Никита допил пиво и оглянулся в поисках урны. В ту же минуту, как по волшебству, рядом возникла немытая личность в мятых штанах и продранной майке-сетке. Физиономию личности украшал свежий фингал под глазом.

– Вам бутылочка пустая не нужна?

– Бери, дед, – великодушно разрешил Никита.

Тот спрятал бутылку в пакет и вопросительно уставился на Сати.

– Бутылочку забрать можно? – сиплым голосом поинтересовался он. Сати вздохнула.

– Не допила я еще, неужели не видно?!

Бомж задумчиво поскреб в бороде, отошел в сторонку и принялся ждать.

Между тем сотрудники универсама, утомившись от ожидания, стали роптать.

– Нашли, когда минировать, – ворчал пожилой маркетолог. – Ничего святого у людей!

– Ох, чувствую я... – бухгалтерша, не сводя глаз с входной двери, прижала руки к груди, – чувствую я, они разминируют сейчас красную рыбу.

– Не терзайтесь так, Ирина Сергеевна, – лицемерно утешал ее бравый начальник охраны. – Сами рыбку засаливали?

– Сама, конечно... А вот сейчас... я точно знаю... сейчас они проверяют паштет из печенки... или фаршированную шуку. С риском для жизни.

– И водку... – мрачно добавил маркетолог, доедая пирожок.

– И водку, само собой... Ее-то они в первую очередь проверят. А что саперы не разминируют, то их собаки сожрут.

Наконец дверь хлопнула и показалась Юлька, что-то жуя на ходу.

Главный бухгалтер выпрямилась и сверкнула глазами.

– Ну что, нашли мину? – агрессивно спросила она.

– Ищут, – неопределенно сообщила Юлька. – Гм... там ребята спрашивают... можно им салатик «Оливье» попробовать? Немного совсем?

Бухгалтера в отчаянии махнула рукой:

– Пусть пробуют! Только быстро! Котлеты остывают!

Никита захохотал. Сати допила пиво, протянула бутылку божу. Тот убрал добычу в пакет и побрел дальше, шаркая пластиковыми шлепанцами.

Саперы и вправду управились. быстро, к тому же оказались людьми хорошо воспитанными и знакомыми с приличиями: всего попробовали по чуть-чуть. Правда, таинственным образом исчезли две бутылки водки, но пропажа эта на фоне всего, что присутствовало, осталась не замеченной никем, кроме самой хозяйки торжества.

В конторе Сати и Никита появились только после обеда. Сисадмина прямо на пороге изловил менеджер по работе с регионами и заявил истеричным голосом, что в их отделе сам собой перестал работать принтер.

– Принтер-шминтер, – недовольно пробурчал Никита, отправляясь в отдел следом за причитающим менеджером. – Опять, наверное, в сеть его забыли включить?

Сати поднялась на свой этаж и сразу же наткнулась на ответственного секретаря газеты, всегда грустного, настроенного на философский лад и оттого похожего на сотрудника похоронного бюро.

– Где ж ты бродишь? – скорбно спросил он. – Клиент приезжал, с макаронной фабрики. Хотел на макет рекламы глянуть.

– А я тут при чем? Отправил бы его к дизайнерам. Я макетами не занимаюсь.

– Понятно дело, что не занимаешься, – печально согласился секретарь, изучая носки собственных ботинок. – Но клиент хотел видеть всех, причастных к его рекламе...

– Этот макаронщик крут невероятно! – Сати скривилась. – Господи, и макет-то у него с гулькин нос, а шуму!

– Это да... Крут, я уже понял. Круче него только яйца Фаберже, ага... Но реклама ему понравилась. – Секретарь несколько оживился. – Обещал до конца недели заплатить.

– Еще бы не понравилась! Сколько наши дизайнеры с ней возились! – Сати вздохнула. – Вот на что приходится тратить талант и лучшие годы жизни.

– Да... – неопределенно отозвался секретарь, снова погружаясь в пучины меланхолии. – Мы – офисные пролетарии. На что нам скажут, на то и потратим...

Добравшись наконец до рабочего места, Сати вздохнула. Вне всякого сомнения, палочка «Успешный менеджер» продолжала действовать: стол был завален заявками на написание рекламных текстов, причем большую часть рекламщики хотели видеть, конечно же, завтра утром.

– Так... – произнесла Сати, разбирая ворох бумаг и сортируя заявки по степени срочности. – Хлебобулочный комбинат... изготовление надгробных памятников из высококачественного мрамора... детская спортивная школа... Ничего себе! А нет ли в этой «Нирване» палочек «Успешный и офигенно крутой писатель рекламных текстов»?

Когда она покинула редакцию, на улице уже совсем стемнело. Прошел дождь, пахло мокрой землей, молодыми тополиными листьями. На главной площади клубилась молодежь, слышался смех, обрывки музыки, оживленные разговоры. Блестел серый мрамор, промытый летним дождем, и в зеркальной глубине его отражались желтые огни фонарей и разноцветные блики подсветки фонтанов. В вечернем небе сияла голубым неоном реклама судоходной компании, слоган для которой Сати придумала в прошлом году. Мягко светились губернаторские окна, там, за белыми опущенными шторами, несмотря на позднее время, проплывали силуэты

людей. Гуляющие по площади горожане поглядывали вверх с уважением: трудолюбие губернатора им нравилось.

ГЛАВА 4

Идти до бульвара пешком Тильвусу не хотелось, на улице стояла ужасная погода – жара и влажность. Город в июле превращался в гигантскую парилку, и все с нетерпением дожидались августа, когда на край обрушатся муссонные дожди.

Великий маг стоял на остановке, в тени высокого тополя, и высматривал нужный автобус. Хорошо, если он окажется полон, а еще лучше – набит битком! Тогда есть надежда, что кондукторша не заметит в толпе пассажиров безбилетника, а если и заметит, то не успеет до него добраться. И можно будет запросто проехать остановку, а то и две, как повезет.

Но, как назло, автобусы шли полупустые. Изнемогая от зноя, навалившегося на город, Тильвус терпеливо ждал и наконец дождался: подошел «Икарус» пятого маршрута, набитый народом так, что смотреть страшно. К окнам изнутри прижимались сплюснутые страдальческие физиономии пассажиров. На остановке никто не вышел, зато человек пять, ожидавших «Икаруса», ухитрились-таки втиснуться в салон. Дверь-гармошка никак не хотела закрываться, но Тильвус поднажал, ввинтился в толпу, и дверца со скрипом развернулась. Автобус дернулся, народ дружно качнуло сперва назад, потом вперед, и Тильвуса припечатало к чьей-то обширной спине.

«Может, и три остановки проеду», – мечтал он, безуспешно пытаясь вытащить ногу из под дачной сумки-тележки. Но надеждам его было не суждено сбыться. Кондукторша со своего места наметанным глазом засекала бомжа и двинулась по салону, прокладывая дорогу в толпе изнывающих от духоты пассажиров, словно ледокол.

– Ваш билетик? – Тильвус сделал вид, что вопрос относится не к нему, и скосил глаза в окно. За стеклом тянулась бесконечная строительная площадка: на перекрестке собирались возводить автомобильную развязку, а пока полным ходом шел демонтаж огромного помпезного памятника, посвященного дружбе народов. Горожане непочтительно называли это громадное сооружение «Балалайка».

– Ты брал билет или нет?! – зловещим голосом спросила кондукторша, поправляя сумку с билетами и деньгами, точно патронташ. Пассажиры испуганно притихли, пытаясь отодвинуться от Тильвуса подальше.

– Брал, – отважно соврал маг, глядя в ястребиные глаза кондукторши.

– Покажи!

Он добросовестно пошарил в карманах мятых штанов – билета не обнаружилось. Кондукторша глядела на безбилетника брезгливо, как на таракана в борще.

– Вспомнил! – заторопился Тильвус, заметив, как по ее лицу снова прошла грозная тень. – Вспомнил! Я его съел только что!

Брови кондукторши поползли вверх.

– Он был счастливый, – доверительно сообщил маг. – А счастливый билет надо съесть. Согласно традиции.

Последние слова он бормотал полузадушенным голосом, пока кондукторша могучей рукой волокла его к выходу. Дверь распахнулась, Тильвус получил сильнейший тычок в спину и оказался на улице. Взревел мотор, «Икарус» качнулся и медленно пополз по дороге.

С трудом удержавшись на ногах, Тильвус посмотрел вслед отъезжавшему автобусу, поскреб в бороде, подумал и поплелся вдоль по улице в тени пыльных тополей.

К обеду Тильвус благополучно провернул незамысловатую финансовую операцию: сдал бутылки в пункт приема стеклотары и получил деньги. Он не спеша брел по тенистой улочке, что рядом с центральным рынком, запихивая в карман пустой полиэтиленовый пакет, и поглядывал в сторону длинных торговых рядов, заваленных всякой всячиной.

Городские бродяги справедливо считали рынок золотым дном: там было множество маленьких пивных, где пиво лилось рекой с утра до вечера, а уж сколько киосков – и сказать трудно. Поэтому бутылок всегда было много, на всех бы хватило, но рыночные бомжи, закрепившие за собой этот Клондайк, чужаков на свою территорию не пускали.

Тильвус на рынок заходил редко: не жаловал обитающих там коллег. Те отличались него-степриимством, были крикливы, нахальны и, по слухам, могли слямзить все, что плохо лежит, даже пакет с пустыми бутылками у зазевавшегося приятеля, а это уже никуда не годилось. К тому же, подвыпив, обитатели Клондайка становились совершенно невыносимы и норовили затеять драку.

Потому-то Тильвус, получив наличность у неприветливой приемщицы бутылок, на рынок заходить не стал, а остановился возле входа, где стояла палатка с надписью «Всегда свежие пирожки с экологически чистым мясом». От палатки на всю улицу густо несло перекаленным подсолнечным маслом. Великий маг купил горячий беляш в промасленной бумажке и неторопливо поплелся дальше, размышляя о насущных делах.

Хорошо бы проверить урны на Красной линии, однако подняться на центральную улицу Тильвус сегодня не решался: в городе проходил какой-то праздник, прибыло множество важных гостей, и кортежи черных машин носились по центральным улицам с миганием маячков и ревом сирен, чем чрезвычайно раздражали горожан. Те часами томились в пробках из-за перекрытых улиц и на чем свет стоит ругали губернатора за неумную гостеприимность.

В дни праздников на Красной линии обычно было полно милиции, поэтому соваться туда не очень-то хотелось: не хватало еще, чтобы начистили физиономию за то, что вид непрезентабельного бомжа ненароком оскорбит взгляд высокого гостя.

Жуя беляш с «экологически чистым мясом», великий маг неторопливо брел по тихой зеленой улочке, что тянулась параллельно Красной линии. Здесь всегда было немногочленно – в высоких старых тополях прятались серые пятиэтажки-хрущевки, на лавочках с утра до вечера сидели старушки, бдительно оглядывая каждого, кто входил в подъезд. Чуть дальше сверкало промытыми стеклами недавно построенное здание налоговой инспекции, увешанное рекламными баннерами операторов сотовой связи. На первом этаже размещался магазин дорогой одежды, названный модным словом «бутик». Там между кронштейнов с рубашками и джемперами прохаживались молоденькие продавщицы с надменными лицами, стройные, длинноногие и такие красивые, словно попали в торговый зал прямиком с конкурса «Мисс Вселенная».

Тильвус рассеянно разглядывал витрину, незаметно косясь на хорошеньких продавщиц, и дожевывал беляш. Внезапно возле отдела с мужской одеждой он остановился как вкопанный: за стеклом красовался изысканный темный пиджак, точь-в-точь такой, какой совсем недавно он видел на эльфе.

Тильвус поскреб в бороде, озадаченно поглядел на пиджак, заметил бирку с ценой и, прищурившись, принялся разбирать мелко написанные цифры.

– Опа... – сказал великий маг, разглядев наконец стоимость. Он выпрямился и крикнул: – Однако!

Одна из продавщиц одарила бродягу уничижительным взглядом, Тильвус сделал вид, что это его не касается, и побрел дальше.

Минут через пять погруженный в думы великий маг остолбенел еще раз: возле обочины остановился маленький пузатый автобус, оттуда с шумом и бряцаньем вывалилась целая толпа закованных в броню рыцарей, вооруженных, как показалось Тильвусу, самыми настоящими мечами. Несколько секунд он стоял в полном изумлении, тараща глаза на рыцарей, которые носились друг за другом по газону, лязгая доспехами, пока не догадался прочитать надпись на боку автобуса: «Клуб ролевых игр «Айвенго».

– Тьфу ты, – в сердцах сплюнул Тильвус. – Ролевики, мать их...

Он покрутил головой и двинулся дальше.

– Завтра собираемся в парке, только пораньше. К обеду опять телевидение приедет, бои снимать будут, – донеслось до него. – Передачу готовят, про историческое фехтование.

– Да слышал я... «Мастер меча» будет называться.

Тильвус закатыл глаза.

– Мастер меча, – пробормотал он. – Хех... мастер меча!

– И не про историческое фехтование вовсе, а сказки какие-то! Про волшебное оружие, кино было недавно, видел?

– Точно! Зачарованные клинки и все такое.

Великий маг хмыкнул. Неподалеку притормозила машина с табличкой «Телевидение» на ветровом стекле, ролевики оживились, загалдели и устремились к автомобилю, бряцая оружием.

Тильвус свернул на боковую улочку.

Зачарованные клинки...

Когда-то он был знаком с одним таким мечом... Когда по собственной глупости стал владельцем Вечного Странника.

У Странника были собственная воля и разум. Он умел многое: говорить со своим хозяином, брать на себя управление боем, предупреждать об опасности... но за всю свою жизнь Тильвусу не доводилось встречать существа более лживого и вероломного, чем этот меч. Он искусно использовал владельца в собственных интересах, подчинял себе, делал своим рабом, и противостоять воле Странника мог лишь очень сильный человек или незаурядный маг. Новый же владелец меча не был ни сильным человеком, ни магом. Ему было пятнадцать лет, он только-только стал учеником чародея...

Странник был наделен заклинанием «похитителя душ» – уничтожая кого-то, человека или магическое существо, клинок мгновенно поглощал жизнь и душу убитого, не позволяя воплотиться в новом теле и в другом обличье.

Иногда, глядя на клинок, Тильвус гадал: сколько чужих жизней заключено в древней тусклой стали? Но так и не получил ответа на свой вопрос. Правда, в то время его гораздо больше волновали другие вещи, он хотел как можно больше узнать о зачарованном мече.

Пока же ученику чародея было известно лишь то, что Странник рано или поздно убивает всех своих хозяев.

Театр музыкальной комедии пользовался у горожан огромной популярностью – они питали к жанру оперетты самые теплые чувства. Посещать музкомедию считалось хорошим тоном, тем более что на премьеры иной раз приезжал и сам губернатор.

Тильвусу на спектаклях бывать не доводилось, но он особо не переживал по этому поводу: летом окна репетиционных классов театра обычно открывали настежь и каждый желающий совершенно бесплатно мог наслаждаться и музыкой, и пением. Великий маг, трапезничая в скверике музкомедии чебуреками и пивом, столько раз прослушал арии «Марицы», «Принцессы цирка» и «Баядерки», что, в конце концов, ознакомился со всем репертуаром театра и даже научился различать по голосам ведущих актеров труппы.

Под звуки «Травиаты» он поднялся по ступенькам на крошечную площадь перед зданием музкомедии. Тут, как обычно, гоняли пацаны на скейтах, надо было глядеть в оба, чтоб кто-нибудь из них, не рассчитав скорости, не врезался на полном ходу. Возле входа стояли красочные щиты, заклеенные афишами. Тильвус прочитал, что новый театральный сезон в сентябре будет открыт спектаклем «Летучая мышь», и одобрительно хмыкнул.

Опасливо косясь на мальчишек, проносившихся мимо с криками и гиканьем, он обогнул здание и оказался на заднем дворе театра, в заросшем травой скверике с фонтаном, который давным-давно не работал, с пересошим бассейном. А Тильвус еще помнил, как лет десять

назад в жаркие дни сюда бегала купаться детвора из соседних домов-высоток: бассейн был неглубоким и теплым.

В сквере великий маг встречался с приятелями. Он заметил их издали – вначале Сидора, а потом Серегу. Сидор, пожилой, с загорелой лысиной и висячими усами, похожий на Тараса Бульбу, происходил от крестьянского рода, а потому был человеком основательным и степенным. Подвыпив, любил рассказывать, какое огромное и замечательное хозяйство было у его деда в деревне, пока семейство не раскулачили. Серега был молод и общителен, однако о себе старался много не рассказывать. Сидор, знавший его довольно долго, сообщил как-то, что Серегу выгнала из дома сестра: во-первых, пил не просыхая, а во-вторых, норовил по пьяной лавочке стащить все, что плохо лежит. Словом, приятели рассказывали о себе мало, а лезть в душу Тильвус не любил.

Он спустился по ступенькам к фонтану и тут же заметил, что дело неладно.

Серега, матерясь, перевязывал ногу грязной тряпкой.

– Чего это с тобой? – поинтересовался Тильвус, кидая в траву полиэтиленовый пакет с найденной по дороге бутылкой. – Конкуренты покушали?

– Не... Нарвался тут на придурка одного, – проговорил Серега. – На бульвар спускался, а там в переулке видел – дом элитный построили? Для богатых?

Маг кивнул. Этот дом, настоящее произведение искусства, с башенками и арками, он, конечно, знал и старался обходить десятой дорогой, до того неприветливые люди там жили и такие свирепые охранники сидели возле подъезда, охраняя и дом, и сверкающие дорогие машины с тонированными стеклами, припаркованные на стоянке.

– Ну, шел мимо, – продолжал Серега, морщась. – Дай, думаю, угол срежу, по двору пройду. Сначала охранники привязались: оказывается, частная территория это, заходить нельзя. А потом один из жильцов вышел с собакой погулять. Такой кормленный, весь в цепях...

– Кто? – уточнил Сидор. – Кто кормленный и весь в цепях? Мужик, значить, или пес?

– Оба! – сердито ответил Серега. – Кобель у него здоровый, небось одно мясо жрет. Зубы – в три ряда!

– И что? – спросил Тильвус, уже догадываясь о дальнейших событиях.

– Мужик меня увидел, собаку с поводка отстегнул. «Возьми, говорит, его, Бобик!» Ну, тот и взял.

Серега поморщился.

– Сволочи... мимо пройти нельзя... что им, жалко, что ли? Как еще живой остался... Кобель-то с ног меня сбил и давай возить!

Тильвус отодвинул Сидора в сторону и присел на корточки.

– Погоди-ка, дай глянуть, – проговорил он. – Ты, Серега, тряпку эту грязную выкинь, на перевязку она не годится.

Он поглядел на рваную рану и сосредоточенно сдвинул брови.

– Здорово Бобик тебя отделал...

Тильвус задумчиво пожевал губами. Судя по всему, собака была немаленькая... размером чуть ли не с волка.

В памяти всплыли картины далекого прошлого: сумрачный лес, влажный воздух, пахнувший прелыми листьями, чье-то растерзанное тело и серая тень оборотня, бесшумно скользнувшая в мокрые кусты. Тильвус потратил немало времени, выслеживая осторожное существо, но, в конце концов, настиг. Оборотень пытался защищаться, но Вечный Странник не оставил ему ни единого шанса. Человек-волк погиб, и меч тут же вобрал в себя его душу.

– Черт, черт! – пробормотал Тильвус, осматривая рану. – Эй, Сидор! Есть чем перевязать? Чистое что-нибудь?

Тот развел руками.

– В больницу тебе надо, Серега, – озабоченно сказал маг. – Рваная рана – дело серьезное, загноится – пиши пропало! Ишь, как он тебя хватил. Зашивать надо. Давай в хирургическое отделение отведу, здесь рядом, на площади.

Но Серега отказался наотрез.

– Только не в больницу! Туда зимой хорошо ложиться, тепло и кашей кормят. А летом какой же дурак в палате сидеть будет? Да и врачи все в отпусках.

– Заражение будет, – увещевал приятеля Тильвус. – И укол от бешенства сделать надо.

– Взбесишься, Серега, – басом поддержал Сидор. – Нас, это самое, всех перекусает.

Но Серега только мотал головой.

– Ладно, – сдался Тильвус. – Но хоть перевязку надо сделать. Аптека недалеко, напротив мюзкомедии. Я сейчас быстренько смотаюсь, бинты куплю и йод.

Он торопливо пересчитал скудную наличность.

– Слышь, Сидор, – окликнул он приятеля. – У тебя деньги есть?

– Найдутся, – солидно ответил тот, шаря в карманах. – Есть, значить, как не быть!

Он протянул Тильвусу мятую купюру.

– Я тебе отдам потом, – пообещал великий маг. – За мной не заржавеет, сам знаешь.

– Сочтемся, – степенно проговорил Сидор.

Тильвус сунул деньги в карман.

– Я в аптеку, Серега. А ты тут лежи, вставать – ни-ни! Я скоро!

Тильвус топтался на обочине, выбирая момент, когда можно будет сигануть на другую сторону дороги. Бежать через проезжую часть следовало быстрее бешеного гоблина: машины неслись сплошным потоком, и никто из водителей даже не думал притормозить на пешеходном переходе. Потому-то переход через улицу напоминал игру в кошки-мышки: проскочил – молодец! Не успел – ну, извиняй, друг! Шустрей на дороге надо быть!

Наконец Тильвус оказался все же на тротуаре, перевел дух и вытер пот со лба. Он миновал старинное желтое здание пожарной охраны и, шаркая тапками, спустился по истертым каменным ступеням вниз: аптека находилась в полуподвале. Маг потянул на себя тугую дверь, открыть ее удалось только со второй попытки. Внутри оказалось тихо и прохладно, приятно пахло лекарствами, негромко гудел кондиционер. Посетителей не оказалось. Великий маг потоптался на пороге и нерешительно двинулся вперед. Охранник окинул его брезгливо-неприятным взглядом и снова уткнулся в газету. Тильвусу захотелось поскорее обратно на улицу, но он вспомнил про Серегу и отважно двинулся к кассе.

В стеклянной кабинке сидела скупающая полная дама в белом халате и полировала ногти.

– Что вам? – нелюбезно спросила она, не отрываясь от увлекательного занятия. – Спиртовую настойку, наверное? Боярышник кончился. Остался один элеутерококк. Будете брать?

– Я... не... – просипел великий маг, косясь на охранника. – Нет, настойку не надо. Упаковку бинта мне. И вату. И еще йод и перекись водорода.

Аптекарьша вздохнула, отложила пилку для ногтей и неторопливо прошла за прилавок.

– Подрались, что ли? – равнодушно спросила она, копаясь в коробках.

– Собаку на приятеля натравили, – сообщил Тильвус, откашлявшись. – По бульвару он шел, там, где дом элитный. А кто-то из жильцов во дворе с собакой гулял. Ну и... порвала сильно и ногу прокусила.

– К-козлы, – процедила дама, выставляя товар на стеклянный прилавок. – Понастроили элиток этих... Сейчас посчитаю, сколько с вас.

Зажав деньги в кулаке, Тильвус с тревогой следил за колонкой цифр в окошечке кассы.

– У меня не хватит. – Он положил мелочь на блюдечко и прикрыл мятой купюрой. – Извиняюсь, конечно... йод и вату не надо.

Дама снова вздохнула.

– Берите. – Она придвинула сверток Тильвусу. – Чего уж там. Не разорюсь я на вас. Через минуту маг уже снова был в скверике возле театра.

Он разложил медикаменты на траве, открыл бутылку с перекисью водорода, разорвал упаковку бинта и принялся за перевязку. Сидор, наблюдал за Тильвусом, прихлебывал из бутылки теплое пиво, чинно вытирая после каждого глотка длинные усы.

– Ловко у тебя получается, – заметил он. – Учился, это самое, что ли, где-то?

Тильвус задумался. В памяти почему-то всплыл разговор с Тиссом, и маг тряхнул головой, отгоняя воспоминания.

– В медучилище, – соврал он. – Давно.

– Выгнали? – сочувственно поинтересовался Серега. – Сидор, дай пивка глотнуть, в горле пересохло!

Тот неторопливо обтер горлышко бутылки рукавом и протянул приятелю.

– Выгнали, – кивнул великий маг.

Он закончил перевязку и сел в тени.

– Жаль, что фонтан тут не работает, – сказал Тильвус с сожалением. – Одежонку бы простирнуть не мешало. Да и помыться.

Сидор развалился на траве и заложил руки за голову.

– Ничего, сегодня, может, разбогатеет, – мечтательно проговорил он. – Тогда, значить, и в баню ходим. Я специально утречком по площади прошел: денег в воде, это самое, много.

Тильвус сел, глаза его блеснули.

– Надо разработать план, – сказал великий маг. – Хороший план – половина успеха, это я вам как стратег говорю.

– Как кто? – опасливо переспросил Серега.

– Неважно. Сидор, садись ближе, будем думать.

Фонтаны украшали главную площадь города с незапамятных времен, появившись задолго до того, как она оделась в серый мрамор и поднялся «Белый дом» с кабинетом губернатора на пятом этаже. Конечно, площадь тогда была поскромнее, а фонтаны – попроще, с облупившимися гипсовыми чашами в виде цветов. С тех же пор существовал и обычай: все новобрачные пары напрямиком из загса ехали на главную площадь, гуляли, пили шампанское, фотографировались на фоне фонтанов и непременно бросали в воду деньги: считалось, что в таком случае молодоженов ждет долгая и счастливая семейная жизнь. Этот обычай Тильвус горячо одобрял.

В пятницу, когда заключалось большее количество браков, и на площади было не толкнуться от красавиц в белых пышных платьях и красавцев с серьезными лицами в черных траурных костюмах, все дно центрального фонтана было усыпано сверкающими серебряными монетками. Прежде добыча доставалась мальчишкам, которые купались в фонтанах, и напрямиком доставлялась в кафе-мороженое «Метелица», что находилось неподалеку. С тех прошло много лет, изменилась площадь, никто больше не купался в городских фонтанах, но обычай бросать деньги в воду остался. Доставались они теперь не мальчишкам, а рабочим по благоустройству, которые следили за работой фонтана. Тильвус считал, что ничего страшного не случится, если они слегка поделятся доходами. Но надо было торопиться, пока не опередили конкуренты. Впрочем, желающих обчистить фонтан на главной площади находилось немного. Тильвуса отсутствие конкурентов радовало, а Серегу – настораживало. Сидор же, как всегда, держал свое мнение при себе.

– Главное – четкое соблюдение правил. Не отступаем от намеченного плана. Иначе загремим в кутузку – и надолго. Понятно? – Великий маг обвел взглядом участников операции. – Эх, Серега, не вовремя с тобой такая оказия приключилась. Ну да чего уж там.

Сидор любил ко всякому важному делу приступать не торопясь, желательно на сытый желудок. Он выслушал Тильвуса, подумал, потянулся за пакетом и вытащил оттуда газетный сверток.

– Сидор, – тут же сказал покусанный Серега, – у тебя пожевать что-нибудь есть?

– Найдется, – неторопливо ответил тот.

Он развернул газеты, вытряхнул на траву булки.

Серега оживился:

– Это чего такое?

– Хычины, значить, с луком, – пояснил Сидор.

Серега цапнул хычин и откусил сразу половину.

– А мясо там есть?

Сидор хмыкнул. Тильвус, жуя пережаренный черствый пирожок, развернул промасленную газету и принялся изучать городские новости.

– Так... что у нас тут... «Сегодня делегация посетит детскую краевую больницу, где в торжественной обстановке коллективу врачей будет вручен...»

– Скорей бы эти гости свалили, а то ментов кругом – не протолкнешься, – невнятно проговорил Серега.

– Свалят, никуда не денутся...

Серега через плечо Тильвуса глянул в газету.

– Доллар-то падает! – озабоченно проговорил он.

– М-да, – глубокомысленно сказал великий маг. – Падает. Даже не знаю, что делать.

– О, гороскоп! Гороскоп почитай!

– Гороскоп? Сейчас, погоди ты!

– Узнаем, что нас, значить, ждет, – веско сказал Сидор.

– Я тебе и так скажу, что нас ждет, – мрачно проговорил Серега. Он сильно сомневался в удачном исходе операции, разработанной Тильвусом. – Менты нас поймают и отмутузят прямо на центральной площади. Или в фонтане утопят, если губернатор не заметит.

– Не дрейфь, Серега, – подбодрил приятеля Тильвус. – Как это не заметит? Заметит и выбежит нам на помощь! Слушай лучше прогноз на сегодняшний день.

Он откашлялся:

– «День в целом благоприятен. Возможны деловые встречи или телефонные переговоры. После великих свершений на трудовом фронте вероятны встречи с влиятельными людьми». Понял?

Серега перестал жевать.

– С влиятельными людьми? – испуганно переспросил он. – Ну, точно на губернатора напоремся, после великих свершений! Фонтан-то у него прямо под окнами!

– Да погоди ты! – пресек панику Сидор. – Читай, это самое, дальше!

– «Удачный день для посещения госучреждений – получите четкие и квалифицированные консультации специалистов, без проволочек решатся важные дела». Видишь, Серега? Даже звезды говорят, что сегодня удачный день. В принципе, городской фонтан вполне можно считать госучреждением. Почему нет? Правда, Сидор?

Тот согласно кивнул.

– Ну вот. А ты боишься...

– Получим мы квалифицированные консультации специалистов, как же, – мрачно предрек Серега. – Дубинкой по почкам. Знаю я этих специалистов... они с большим удовольствием консультируют.

– Не паникуй... дальше слушай. «День предвещает также успех в любви, удачные свидания, культпоходы, вечеринки». Вечеринки... гм... вечеринки... «Побольше решительности и сосредоточенности. Возможно, вы почувствуете боли в области желудка».

– Вот! – торжествующе объявил Серега. – И не только в области желудка!

– Не паникуй, говорю... «Неудачный день для секса, поэтому не стоит расслабляться»...

Так, ну это... А, вот: «Отличное настроение и боевой настрой, полученные вместе с утренним зарядом бодрости, способствуют вашему самоутверждению. Увлеченный и долгий труд – вот символ сегодняшнего дня».

– Выловят нас менты из фонтана, будет нам увлеченный и долгий труд! Года на три минимум! – гнул свое Серега.

– Что за пораженческие настроения перед большим делом? – покосился на него Тильвус. – Теперь индивидуальные гороскопы. Почитать? Еще есть сексуальные и гороскопы друидов. Гороскопы друидов. – Он хмыкнул и покрутил головой. – Друиды бы со смеху померли, если б знали... – пробормотал он. – Ну, какой читать?

– Давай индивидуальный.

– Индивидуальный... – Тильвус рассеянно откусил пирожок, изучая колонку статей. – Так... Сидор, ты у нас кто по гороскопу? В каком месяце родился?

Сидор откусил от хычина, прожевал, пригляделся и вытащил из пирога кусок бечевки, запеченный в тесто.

– В сентябре, значить... в конце.

– Стало быть, под знаком Весов. Вот, слушай: «Предстоит осуществить множество коротких дорог, запланированных визитов».

– Как раз, это самое, на овощебазу сходить собирался, – задумчиво проговорил Сидор. – Кореш там у меня работает, помидоры перебирает. Он для меня бутылки оставляет. Много, небось, накопилось уже. Забрать надо.

– «Могут иметь место мелкие приобретения, целенаправленные покупки», – продолжал Тильвус. – Покупки? Чего купить хочешь?

Сидор подергал себя за ус.

– Билет, значить, лотерейный хотел... Может, выиграю чего.

– Это дело, – одобрил Тильвус. – Так, Серега, теперь твоя очередь.

– Я в июне родился. – Серега доел хычин и вытер руки о траву.

– Знаю. Слушай: «Произойдут важные события. Возможно, придется решать правовые и юридические вопросы, обращаться в суд».

– Куда? – боязливо переспросил Серега.

– В суд. Ничего, адвоката тебе найдем, не дрейфь. «Возможен прием гостей. Также предстоит решение сложного вопроса, связанного с получением согласия в кругу родственников. Это может стать отправной точкой для последующих действий долговременного свойства. Возможна смена места обитания, изменение условий жизни».

– Чё-то не нравится мне мой гороскоп, – мрачно проговорил Серега. – Особенно про смену места обитания. Я в таких местах бывать не хочу! Что там в самом конце? Мелкими буквами?

– «Звезды советуют не забывать об отдыхе», – назидательно поднял палец Тильвус.

– Во-во! – Серега оживился. – Я лучше отдохну сегодня, раз звезды советуют. А вы – без меня.

Тильвус покачал головой.

– Не получится, Серега, – неумолимо сказал великий маг. – Во-первых, мародеры всегда ходят большой компанией, так веселее. А во-вторых, кто-то должен на стреме стоять, пока мы Сидором фонтан чистить будем? А то губернатор подкрадется, а мы его и не заметим.

Он пробежал глазами газетную полосу.

– Сидор, а где еще одна страница? Там мой гороскоп должен быть.

Сидор пожал плечами:

– Не знаю, это самое. Газету-то я из мусорки вытащил, что возле остановки. Хычины надо было завернуть.

– Эх, брал бы уж всю газету! А то ведь и не узнаю теперь, что мне звезды советуют. М-да...

– В следующий раз, значить, непременно проверю, – пообещал Сидор. – Да знаешь, я вот так думаю – врут все эти гороскопы. Сам, это самое, посуди, как так может быть – звезды-то на небе одни, а гороскопы в газетах – разные. В каждой газете – свой.

– Звезды – одни, трактовка разная, – пояснил Тильвус. Сидор покосился на приятеля с уважением.

Серое небо медленно светлело.

Для операции Тильвус выбрал ранее утро – часа четыре утра. Город в это время крепко спит, даже первые трамваи еще не ходят, а самое главное, спят в патрульной машине и милиционеры, что несут дежурство на площади, – это было проверено Сидором накануне. Стало быть, вполне возможно, что мародеров, решивших обчистить городской фонтан, никто и не заметит.

Тильвус шел по пустынным улицам, решительно печатая шаг, как полководец, и отважно вел свое крошечное войско к площади.

Сергеа первый раз принимал участие в подобном предприятии и откровенно трусил. Кроме того, совсем недавно, пытаясь собрать бутылки возле фонтана, он близко познакомился с постовыми и не горел желанием продолжить знакомство. Сергеа нервничал и уговаривал Тильвуса и Сидора отменить операцию.

– Может, ну их на фиг, эти деньги? Давайте лучше к вокзалу сходим? Чемоданы к поезду поднесем, пассажиры заплатят!

– Кто тебе, это самое, чемодан доверит? – резонно спросил Сидор. – С такой-то рожей?!

– Не паникуй, Сергеа, – приказал великий маг. – Ты будешь в стороне стоять и если что – свисти нам. А в фонтан мы с Сидором полезем.

– Полезем. А ты, значить, если менты нагрянут – беги.

– Куда я убегу с прокушенной ногой? – тоскливо завел Сергеа. – Поймают, бить будут!

Возле площади они остановились.

– Гляди, окно светится, – испуганно воскликнул Сергеа, тыча пальцем в сторону «Белого дома». – На том самом этаже. Разве губернатор не уехал домой? Нет? А что он там делает?

– Вот подлец! – сказал Тильвус, мельком глянув на освещенные окна. – Действительно, что это он делает в своем собственном кабинете?

Они свернули в переулок, примыкавший к центральной площади, и тут тщательно разработанный план великого мага затрещал по всем швам и развалился: мародеры внезапно оказались среди густой шумной толпы. Тильвус сразу же понял, что произошло, и плюнул с досады. В последнее время в городе появилась мода праздновать свадьбы всю ночь напролет и встречать рассвет то на берегу реки, то на площади возле фонтанов, то на недавно построенном мосту через реку.

Большая компания расположилась рядом с площадью, разложив закуски на капотах украшенных машин и на скамейках. Возле фонтанов бродили подвыпившие гости, подружки невесты в длинных платьях, мелькнула сама новобрачная в пышном белом кринолине. Народ веселился, пил и закусывал.

– Черт! – испуганно зашипел Сергеа, вертя головой. – Уматывать отсюда надо, пока морду не начистили!

Тильвус и сам понимал, что три бомжа не лучшее украшение свадьбы, и отчаянно заработал локтями, выбираясь из толпы. Он уже заметил коротко стриженных крепких ребят в

кожаных куртках, которые закусывали, разложив бутерброды на капоте джипа, и пили из пластиковых стаканчиков.

Увидев приятелей, ребята переглянулись, поставили стаканы и двинулись навстречу.

– Сидор, – настороженно проговорил великий маг, не отводя взгляда от приближающихся парней, – по-моему, это за нами.

Не успел он договорить, как крепкая рука ухватила его за шиворот; в лицо пахнула волна дорогого крепкого парфюма.

– Мы уже уходим! Мы уже уходим! – заторопился Тильвус.

– Мы просто шли мимо! – встрял Серега. – Мимо просто шли!

Сидор увидел, что ребята настроены решительно, и струхнул не на шутку.

– В больницу, это самое, мы идем, – торопливо пояснил он, тыча пальцем в сторону Сереги. – Вон он, больной. В больницу, значить, нам надо, срочно!

– Сейчас вы все туда и попадете, – зловеще пообещал один из парней, для начала ткнув Сидора под ребра кулаком. Тот охнул. Поблизости возник один из гостей, тоже бритый и крепкий, но с грустными глазами, похожий на большую печальную дворнягу.

– Это кто? – поинтересовался он.

– Да вот, гляди, попрошайки. Шныряют тут! Сейчас мы их за угол оттащим – будут знать, как к свадьбам прибиваться.

– Да мы просто шли мимо! – отчаянно выкрикнул Серега, он очень не любил физической расправы.

Тильвус внезапно понял: что бы там ни говорили звезды насчет удачного дня, для них троих день начнется крайне неудачно.

Мужик, прожевывая бутерброд, пригляделся и сделал знак парням остановиться.

– Слышь, братан, – удивленно проговорил он, – тебя чисто случайно не Серегой звать?

– Чисто случайно – нет, – пробубнил Серега, отворачиваясь.

– Пусти их! – Парни отступили, и Серега, не дожидаясь дальнейшего развития событий, припустил за приятелями.

– Да погоди ты, чудила! – Мужик ухватил его за рукав. Сидор и Тильвус тоже остановились: бросать друга не хотелось. – Куда бежишь? Стой! Знаю я тебя.

– Ну, знаешь, и знай на здоровье, – буркнул Серега.

Мужик хлопнул его по спине:

– Ты же худграф заканчивал? – Он кивнул в сторону пединститута, что был неподалеку от площади. – Точно! И я тоже. Только я на три года после тебя. А тебя помню хорошо, у тебя выставка была на нашем факультете, акварели. Помню даже, как называлась. «Желтый ветер», во! Весь институт на ушах стоял. Мы на тебя смотреть бегали. Препад наш говорил, ты самый талантливый, кто на нашем курсе учился.

Он оглядел Серегу и почесал в затылке.

– Я думал, ты в столице давно. Выставки персональные, то-сё... Знаменитость... – Мужик крикнул. – Ладно, забыли. Всякое бывает. Давай, Серега, к нашему столу. Приглашаю! – Он положил Сереге руку на плечо и подвел к машине. – И приятелей твоих – тоже. Милости прошу к нашему шалашу! Чем богаты, как говорится, тем и рады!

– А на этих, – он кивнул в сторону озадаченных мордovorотов, – ты не обижайся. Они люди простые, в искусстве ничего не смыслят. Модильяни от Дали не отличат. Импрессионизм для них – ругательное слово.

Он сунул Сереге бутерброд с дорогой копченой колбасой, потянулся за бутылкой.

– Не стесняйтесь, ребята, – ободряюще сказал он Тильвусу и Сидору. – Это же кореш мой! Учились мы вместе. Талант, ох, какой талант!

К машине приблизился жених. Одет он был с иголочки: в дорогом черном пиджаке, лацкан которого украшала орхидея, в белоснежной рубашке с галстуком-бабочкой, однако при виде жениха мужик отчего-то скривился.

Жених был деятелен и высокомерен.

– Я там ребят еще за пивом послал, тут круглосуточный магазин недалеко... – Он презрительно глянул на бомжей: – А это еще кто? Что за сброд?

– А это, – холодно сказал мужик, – мои друзья. Мои старые школьные друзья, ясно?

– Эти оборванцы-то твои друзья?!

– Слушай, новобрачный, – сдержанно проговорил мужик. – Я тебе свадьбу оплатил? Ресторан, машины, свадебное путешествие? Кольца тебе и невесте купил? Твоей зарплаты только на букет хватило. Так что могу пригласить, кого хочу, понял? Исчезни отсюда!

Он махнул рукой, и жених пропал.

– Сестра моя замуж выходит, – пояснил мужик. – А вы угощайтесь. А если кто наедет – мне говорите. Давай, Серега! – Он протянул ему стаканчик. – Давай – за искусство!

Он выпил коньяк, зажевал ломтиком лимона.

– Я ведь, Серега, тоже художником не стал, – печально сказал он, тыкая вилкой в ломтики мяса. – Время такое... не до живописи.

– А кем вы стали? – вежливо поинтересовался Тильвус, прожевывая бутерброд с икрой.

– Гробовщик я, – сообщил мужик. – Ритуальное агентство у меня, «Земля и люди» называется. Может, слышали?

Тильвус помотал головой.

– Ничего, бизнес прибыльный, не жалею. Дела хорошо идут. Каждый день по пятьдесят похорон. Филиал вот открыл недавно: «Тихая обитель».

Он налил коньяка.

– Но искусство – это да... Живопись, литература. У меня Пушкин, «Повести Белкина» – настольная книга. Часто перечитываю. Особенно, конечно, вот это... – Он опрокинул в рот стаканчик и процитировал: – «В кухне и гостиной поместились изделия хозяина: гробы всех цветов и всякого размера, также шкапы с траурными шляпами, мантиями и факелами. Над воротами возвысилась вывеска, изображающая дородного Амура с опрокинутым факелом в руке, с подписью: «Здесь продаются и обиваются гробы простые и крашенные, также отдаются на прокат и починяются старые». Гробовщик Андриян Прохоров, – пояснил он. – Коллега... Гробы напрокат – кстати, хорошая идея. Но у нас не прижилась.

Сидор бочком подошел к столу и, воровато озираясь, засунул в карман пару бутербродов. Он был человеком запасливым и хозяйственным и считал, что среди такого изобилия грех не позаимствовать что-нибудь.

Гробовщик вынул из нагрудного кармана пару сигар, протянул одну Сереге.

К машине, не совсем твердо держась на ногах, приблизилась женщина в длинном вишневом платье.

– Коньяк остался? – Она поглядела в пустой стакан. – Плесни-ка... А это кто?

Она уставилась на Серегу.

– Это мой брат-близнец, – серьезно пояснил гробовщик. – Нас разлучила в детстве коварная судьба, и вот только сейчас, совершенно случайно, мы с ним встретились. Здравствуй, брат! Ты угощайся пока, брательник, я сейчас. Насчет коньяка распорядюсь.

Он отошел.

Серега кивнул и с важным видом понохал сигару.

– Здравствуйте, – проговорила дама несколько растерянно.

– Бонжур, – неожиданно галантно произнес Серега. – Рад вас видеть, мадам!

– Вы действительно его брат-близнец?

– Конечно, – кивнул Серега.

– Но вы не похожи!

– Судьба, мадам. Вынужден был сделать во младенчестве пластическую операцию.

Он засунул сигару в карман.

– Чего ты не прикуриваешь? – вполголоса спросил Тильвус, щедро накладывая икру на ломоть свежего хлеба.

– Если прикуривать, так и сигар не напасешься, – пояснил Серега и потянулся за сыром.

Сидор подобрался к другому столу, оглянулся и как бы между прочим смахнул в пакет нарезанное копченое мясо. Потом подумал и добавил туда же упаковку хлеба. Тильвус хмыкнул.

– «Помнишь ли отставного сержанта гвардии Петра Петровича Курилкина, того самого, которому в 1799 году ты продал первый свой гроб – и еще сосновый за дубовый?» – спросил гробовщик, появляясь рядом. – Заметь, уже тогда сосновые гробы продавали как дубовые. Ничего придумывать не надо, только читать классику. Слушай, дед, тебе мой братишка врезал сильно?

Тильвус отыскал взглядом крепкого темноволосого парня в кожаной куртке.

– Не, не успел. Так, по уху съездил. А это ваш настоящий брат?

– Настоящий. Младший. Я его в садик водил когда-то. Ты на него не обижайся, он хороший. Я ему институт оплатил, Академию экономики и права. Самая крутая контора в городе! Думал, он юристом станет...

Тильвус еще раз оглядел парня и почему-то сразу понял, что юристом тот не стал.

– А кто ваш брат? – осторожно поинтересовался великий маг.

– А брат у меня – бандит, – грустно сообщил гробовщик. – Убьют его скоро, как пить дать. Опасную профессию выбрал. В таком бизнесе долго не живут. Погуляешь, покуражишься, да и налетишь на пулю. Жаль братишку.

Он вздохнул и выпил стопочку.

– Да что делать-то? Все там будем... Ты, дед, кушай, не стесняйся. Налегай на икорку, на рыбку. Супруга сама солила. Коньяк наливай.

Он хлопнул Тильвуса по плечу и отошел к Сереге.

Маг налил коньяка, откусил бутерброд. Еда была вкусная, коньяк дорогой, качественный. Он не обжигал желудок, а разливался в крови блаженным теплом. Неподалеку Сидор, совершенно обнаглев от вседозволенности, не таясь запихивал в пакет батон колбасы.

– Мужчина, налейте даме коньяку, – раздалось над ухом, и Тильвус вздрогнул от неожиданности. Рядом стояла похожая на сильно постаревшую Мальвину пышная блондинка, увешанная деревянными бусами и с потухшей сигаретой в зубах.

– Хороший день для свадьбы, – сообщила «Мальвина». – Это я посоветовала, знаете ли. – Она икнула и покачнулась. – Сегодня звезды выстроились в н-нужном порядке.

Тильвус налил ей коньяка.

– А вы астроном? Или этот... как его... астролог?

– Нет. У меня необычная специальность, – подчеркнуто скромно сказала Мальвина. – Я – потомственный белый маг. Очень могущественный.

Тильвус поперхнулся коньяком.

– Да-да. Магистр высшей ступени. Владею энергией Высшего Разума, энергией создания гармонии, избавляю от негатива. Снимаю порчу и сглаз, выравниваю энергетические оболочки, обеспечиваю профессиональную пожизненную защиту от любых видов магических нападений, – доверительно сообщила дама. – Ну, конечно, мне помогают Светлые Силы.

Она залпом выпила коньяк и снова протянула стакан Тильвусу. Тот смотрел на потомственного мага во все глаза.

– Разумеется, важен опыт, накопленный предыдущими поколениями. В нашем роду все были магами. Я и обряды на исцеление провожу!

– Вот как... Светлые Силы, значит. Понятно... А от чего лечите? – осторожно поинтересовался Тильвус, наливая ей коньяк.

– От всего, – небрежно пояснила могущественная чародейка, размахивая стаканом. – Буквально от всего! А еще магические привороты, заговоры на удачу. Провожу золотой обряд на деньги. Она, прищурившись, оглядела Тильвуса.

– Могу изменить вашу судьбу. Ж-желаете?

Тильвус поставил свой стаканчик на капот машины.

– А вот этого не надо, – твердо сказал он и поспешно отошел.

Рядом появился оживленный Сидор с мешком в руках.

– Где Серега? Давайте, это самое, сваливать уже. Еды у нас на завтра хватит!

– Да и я так думаю, – согласился Тильвус. – Пора и честь знать.

Они дождались, пока Серега распрощался с гробовщиком и направился к ним, на ходу разглядывая черную блестящую визитную карточку.

– Ритуальное агентство «Земля и люди», – прочитал он с выражением. – Хорошие люди там работают!

– Хорошие, – подтвердил Сидор, нежно поглаживая туго набитый пакет. – Хлебосольные!

– И в фонтан лезть не надо, – не унимался подвыпивший Серега.

Он принялся подробно объяснять, почему план Тильвуса, хоть он и казался ему, Сереге, блестящим, осуществлять все же не стоило.

– Да, мародеров из нас не получилось, – сокрушенно сказал Тильвус. – Ну, ничего. Пусть деньги в фонтане нашим неприкосновенным запасом будут. Они ведь тут лежат, как в банке.

– В какой банке? – насторожился Серега, прервав объяснения.

Тильвус только рукой махнул. Они как раз проходили мимо фонтана, и великий маг не удержался: вскарабкался на парапет и глянул в воду.

– Много? – перебивая шум фонтана, гаркнул Сидор. – Денег, это самое, много?

– Много! – крикнул Тильвус, поскользнулся и, не удержавшись, грохнулся в воду.

Серега мигом протрезвел.

– Ты что?! – завопил он. – Дурак старый! Вон милиция! А вон губернатор! Окна светятся!

– Да что ты орешь, художник, блин! – орал Сидор, бросив пакет с едой. – Тащи его, значить, из фонтана! Тащи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.